

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

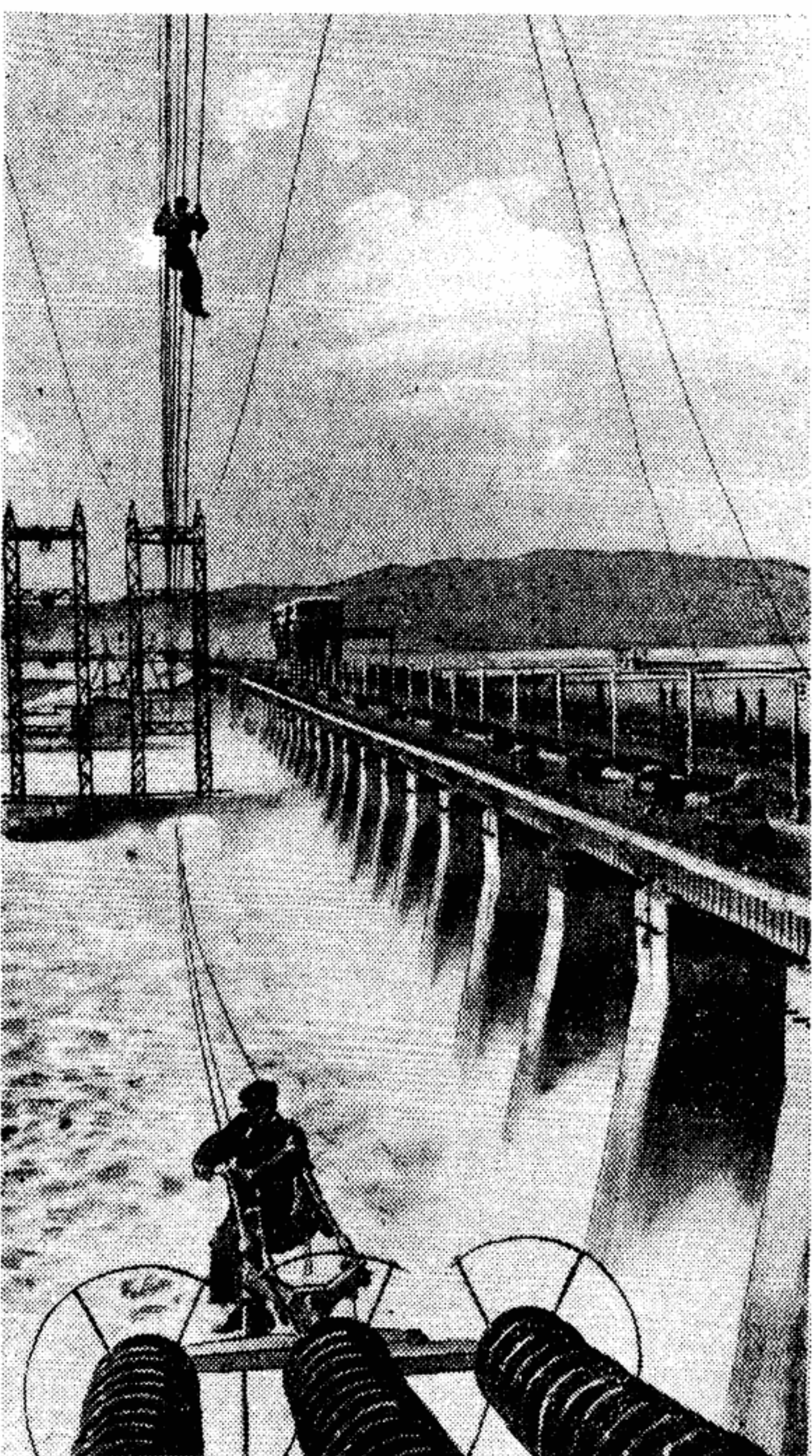
ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 92 (3903)

Суббота, 2 августа 1958 г.

Цена 40 коп.

ПОД НОВЫМ ДЕВИЗОМ

Горячая пора у электромонтажников — верхолазов Куйбышевского гидроузла. Они заканчивают монтаж высоковольтной линии электропередачи Куйбышев-Бузулма. Скоро Урал получит электроэнергию Куйбышевской ГЭС.

На снимке: монтаж высоковольтной линии Куйбышев-Бузулма. Фото А. КАЧУРЬЯНА

Вся страна строила Куйбышевскую ГЭС, посылая многих районов страны и сейчас помогают завершению отделочных работ. Прежде всего на помощь пришли строительные рабочие города Куйбышева и области. Трудящиеся больше чем десятки строительных трестов откликнулись на призыв о дружеской помощи строителям гидроузла. За куйбышевцами стехались сюда посланцы многих передовых строек страны — отделочники Московского метрополитена, плиточники Днепростроя... Здесь трудятся электромонтажники ряда городов — им предстоит закончить установку более 600 различных светильников, свыше 500 зеркальных ламп на потолке машинного зала, больше ста бра по стенам ГЭС. В свое время бригада плиточников Владимира Николаевича Белюкова украсила метлахской плиткой станцию московского метро «Ботаническая». Сейчас Владимир Николаевич со своими товарищами Котловым, Крутяковым и Ефимовым укладывают цветной плиткой под машинного зала ГЭС.

С каждым часом все краше становится Куйбышевская ГЭС. Величественная и строгая, монументальная и простая, встает она, освобождаась от лесов. В машинном зале завершается укладка временных шпатов, прикрывающих агрегаты, заканчивается настилка полов. Уже снимаются леса, на которых трудилась отделоч-

В горах, в тайге, в пустыне...

В КАНУН Дня железнодорожника мы обратились к министру путей сообщения СССР Б. П. Бешеву с просьбой рассказать о том новом, что происходит сегодня на транспорте.

— Какие новые дороги строятся сейчас?

— Пять тысяч километров железнодорожных путей, которые прокладывают сейчас строители дорог у берегов сибирских рек, в предгорьях Урала, в бескрайних степях Казахстана, на юге и востоке страны, меняют не только привычный ландшафт этих мест, но и преобразуют их экономику. Одна из важнейших наших строек сейчас — Средне-Сибирская магистраль. Ее протяжение — около двух тысяч километров. Эта магистраль берет начало в районе Алтайской возле Барнаула, проходит через Камень-на-Оби, Карасук, Иртышское, Кочетав, на Кустанай с ответвлениями на Омск и Курган. Нетрудно представить себе, взглянув на карту, что сооружение этой дороги значительно разгрузит главную сибирскую магистраль.

Приступили наши строители (о мужестве и героизме которых можно писать правдивые и увлекательные книги) к сооружению линии Тайшет — Абакан. Эта новая линия протяжением около семисот километров даст выход богатствам неисчерпаемых кладовых южных районов Красноярского края. Будущая магистраль сойдет Восточную Сибирь и Кузбасс, Среднюю Азию и многие районы Казахстана.

Трудно перечислить все новые железнодорожные пути, но об одной линии хочется сказать с особой теплотой — эта линия прокладывается от станции Антогай. Она идет по новому пути, который указала нам история, — пути дружбы СССР и Китая. Эта дорога шаг за шагом, километр за километром строится одновременно на нашей территории и на территории Китая. После ее соединения, когда встретятся строители двух братских народов, мы получим еще одну магистраль, связывающую СССР с Китайской Народной Республикой.

В этом году будут завершены и сданы новые железнодорожные пути общим протяжением 1300 километров — в районах целинных земель, Братской ГЭС, Поволжья, на Украине, а также отдельные линии, которые обеспечат освоение новых месторождений полезных ископаемых на востоке страны, разработку лесных массивов севера.

По примеру прошлого года мы надеемся завершить досрочно план электрификации. В предстоящие пять месяцев 1958 года предстоит сдать около 1400 километров электрифицированных путей: Новосибирск — Тайга, Харьков — Лозовая — Славянск, Москва — Рязань, Нижнеднепровск — Пятихатки и несколько других участков на юге, востоке и в центре страны.

Отмечая новое, передовое на нашем транспорте, нельзя обойти молчанием недавние опыты на небольшом сравнительно участке Кунцево — Усово Калининской железной дороги. Не был преувеличен, мы можем уверенно сказать, что здесь был проведен первый в мире удачный эксперимент вождения электропоезда без машиниста. Функции машиниста сводились лишь к наблюдению за работой приборов и обзорно-лежачего вперед пути. Все остальное выполняла электронная счетно-математическая машина — «автоматинист».

— Какие новые удобства ждут пассажиров?

— Недавно на наши дороги начали поступать пассажирские электропоезда, тепловозы и скоростные электропоезда, позволяющие значительно увеличить скорости движения и заметно сократить время пребывания пассажиров в пути. Такие поезда уже курсируют на участке Москва — Клин Октябрьской дороги. Министерство путей сообщения решило ввести также электропоезда на линии Москва — Киев и Москва — Минск. Улучшается система продажи билетов. Сейчас на 155 вокзалах можно приобрести билеты в оба направления, значительно увеличивается комбинирование билетов транзитным пассажирам в пути, более чем на 300 вокзалах организована доставка билетов на дом.

Министр рассказал также о строительстве и реконструкции вокзалов. Новые вокзалы сооружаются сейчас в Красноярске, Барнауле, Акмолинске, Магнитогорске. Реконструируются вокзалы в Кирове, Омске, Риге.

В этом году, — сказал в заключение Б. П. Бешев, — мы встречаем наш традиционный праздник в канун сбора богатого, щедро вознаградившего тружеников нашей земли урожая. О работе железнодорожников в период массового вывоза хлеба можно судить хотя бы по одной цифре: нам требуется сейчас на 15—20 тысяч вагонов в сутки больше, чем в это же время прошлого года.

Железнодорожники торжественно обещают Родине выполнить с честью свой высокий долг.

М Н Е И Е ПРОСТЫХ АМЕРИКАНЦЕВ

Альберт КАН,
американский публицист

ПРЕДЛОЖЕНИЕ Н. С. Хрущева о срочном созыве совещания в верхах для урегулирования ближневосточного кризиса встретило широкое одобрение в Соединенных Штатах. Люди самых различных взглядов понимают, что такая встреча была бы вернейшим и быстрейшим путем к устранению угрозы третьей мировой войны. Занятосностью широчайших народных масс повсеместно настолько велика, что правительство Эйзенхауэра не решилось прямо отвергнуть идею переговоров.

Однако теперь уже ясно, что некоторые влиятельные круги, и в первую очередь сам государственный секретарь США Даллес, заинтересованы в срыве переговоров. Американские печать признает, что правящие круги США прибегают к различным уловкам.

Сейчас, больше чем когда-либо прежде, американцы, стремящиеся не допустить возникновения новой мировой войны, должны настоятельно потребовать от своего правительства, чтобы оно действовало в соответствии с интересами народа и приняло участие в совещании в верхах.

На карту поставлены миллионы человеческих жизней: этого никому не дано права забывать.

Франклин Делано Рузвельт говорил, что день нападения японцев на Пирл-Харбор в декабре 1941 года встает в памяти как позорная дата. Президент Эйзенхауэр придать теперь этим словам новое значение: отныне точно так же как «позорной датой» можно говорить о том дне, когда американские войска высадятся в Ливане. Это не только позор, но и чудовищное, можно сказать, непостижимо безрассудство. Трудно поверить, что люди, находящиеся в здравом уме, могут совершать такие деяния.

Кто может сомневаться в том, что американское правительство своей авантюристической и жестокой агрессией на Ближнем Востоке сделало угрозу третьей мировой войны более реальной, чем когда-либо за последние десятилетия?

Я намеренно говорю «американское правительство», а не Соединенные Штаты Америки. Настало время провести грань между американским правительством и американским народом. Этот акт правительства был для народа ошеломляющим ударом. Повсюду выражаются тревога, возмущение, изумление, мрачные предчувствия. Но эта первая реакция уже сменяется гневом, возмущением, негодованием.

Американская интервенция в Ливане произошла без длительной подготовки. Теперь уместно вспомнить то, что было написано десять лет назад в одном из журналов по поводу доктрины Трумэна: «Громко говорились о Греции и Турции, но шепотом шла речь о море нефти к югу от них. Соединенные Штаты готились к историческому шагу, а зарывались могущественных нефтяных компаний пришли к историческому решению. С молчаливого согласия правительства Англии и Соединенных Штатов, эти компании заключили ряд сделок, крупнейших из всех, какие когда-нибудь им удавались, для разработки и использования этого моря нефти... «Стандарт Ойл» и ее партнеры потратили на Среднем Востоке больше трехсот миллионов долларов, чтобы вывезти эту нефть».

Так, в двух словах, можно рассказать о том, что скрывается за высадкой вооруженных сил Соединенных Штатов в Ливане. Доктрины Трумэна и Эйзенхауэра — уродливые порождения одного и того же явления: ненасытной жажды прибылей американских нефтяных компаний, стремящихся использовать «море нефти» на Среднем Востоке. Эти факты — не секрет Ричард Вильштер в письме, только что опубликованном в одной из американских газет, что причина, заставившая правительство отбросить всякую осторожность, это вовсе не просьба о помощи президента Ливана Шауна, а тот факт, что революция в Ираке — это первый шаг к созданию Ливана Востока, ставящий под угрозу черное золото американских компаний. Конечно, нужна Соединенным Штатам и для внутреннего использования, и для прибылей, но если все

это грозит третьей мировой войной, благодарю покорно».

В другом, тоже характерном письме в газету задается вопрос: «Какое собственное, право имеем мы вмешиваться во внутренние дела других стран только потому, что они расходятся с нами во взглядах? Что случилось с нашими традиционными идеями свободы и суверенитета? Или, может быть, они применимы только к нам, а к остальному миру неприменимы? Недавние действия Вашингтона чудовищно лицемерны».

Мне пришлось встретить здесь ни одного человека, который бы одобрял интервенцию в Ливане. Приведу несколько характерных откликов.

Шофер грузовика: «Ясно, я знаю, почему мы там высадились — по тем же причинам, по каким мы послали раньше войска в южноамериканские страны, — чтобы защитить прибылей наших боссов, вот зачем. Мне другое интересно — как нам теперь уйти из Ливана, то есть без войны, я имею в виду».

Служащий бензозаправочного пункта: «Вы говорите нефть. Но ужасно то, что ради этой нефти они могут убить и моих, и ваших детей».

Мелкий чиновник: «Почему мы не посчитались с Объединенными Нациями? Ведь мы выкинули такую же штуку, как Англия и Франция с Суэцким каналом, а разве мы их тогда не осуждали? Как мы после этого будем выглядеть в глазах всего мира?»

Плотник: «Одна надежда, что русские не потеряют терпения и ничего не начнут. Как вы считаете, ведь теперь они были бы правы? Но я думаю, кончится тем, что мы уйдем из Ливана, поджавши хвост, как побитые собаки».

Фермер: «Тут вот некоторые парни, которые были на фронте во время войны, говорили, как настоящие радикалы. Им эта ливанская история совершенно не нравится. Да и почему она должна нам нравиться? В нефтяных прибылях мы участия не принимаем, а войны мы не хотим, черт побери».

Конечно, есть люди, которые поддерживают действия правительства. Десять лет антисоветской пропаганды, «холодной войны» не прошли бесследно.

Но так думают единицы. Силы протеста против агрессии на Ближнем Востоке растут, объединяя не только отдельных людей, но и организации. И эти настроения оказывают влияние на отдельных членов конгресса. Все большее число членов конгресса ощущает чрезвычайное беспокойство в связи с настроениями в США и за рубежом.

Некоторые члены американского конгресса выступили против интервенции.

Во время корейской войны постыдно малое число американских газет выразило осуждение действиям Соединенных Штатов. Сейчас положение существенно изменилось: значительное количество буржуазных органов печати высказалось против высадки войск США в Ливане.

«Сан-Франциско-кроникл» в передовой статье пишет: «Быстрота и активность операций военно-морского флота представляют контраст с нечеткими и туманными оправданиями, которые президент Эйзенхауэр выдвигает для объяснения своего приказа вызвать американские вооруженные силы в Ливан. Этот акт американского правительства делает нас беззащитными против широко распространенных подозрений... Неизбежно встает неприятный вопрос: действуем ли мы от лица Объединенных Наций или нет? Арабский национализм не является основанием для нападения — Соединенных Штатов на Багдад».

Фельетонист Ройс Брайер считает, что «высадка пятитысячной американской морской пехоты в Ливане была ошкорой, которая может обернуться величайшей неосторожностью в истории человечества... Это коверная и опрометчивая интервенция. Она чревата великими опасностями и является страшным риском, который может привести к огромным бедствиям».

Американцы ли мы, американцы, пойти на этот риск?»

Я твердо убежден, что американский народ ответит на этот вопрос решительным «нет».

НЬЮ-Йорк, июль

Закреть пережиткам прошлого все пути!

В «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЕ» были напечатаны три статьи писателя В. Немцова, в которых поднят очень важные вопросы нашей морали, нашей повседневной жизни. Автор говорит о воспитании у каждого советского человека уважения к женщине-труженице, женщине-матери. Писатель, приводя убедительные примеры, выступает против имеющихся случаев, когда наши женщины выполняют тяжелую физическую работу, он верно критикует наших строителей за то, что они еще недостаточно энергично думают, как облегчить женский труд. На мой взгляд, справедливо В. Немцов критикует также и тех писателей, которые создавали ложную, оторванную от жизни «романтику», изображая, например, «веселых, бойких детей, шутя и играючи перебрасывающих мешки с цементом», или описывая тяжелый труд откатчицы в шахтах в таком стиле: «вагонетки ворочают...будь здоров!» Прав В. Немцов: «...радоваться здесь нечему».

...Нигде в мире не заботятся о женщине-труженице, о женщине-матери так, как в Советском Союзе. Не так давно, года два назад, в Москве состоялся международный семинар на тему: «Равноправие женщин в СССР». Семинар был организован Советским правительством в соответствии с рекомендациями Генеральной Ассамблеи ООН. Представительницы пяти континентов, женщины всего мира, с чувством признательности и хорошей заботы говорили о том, как высоко поднято в Советской стране имя и достоинство женщины, как много постоянного внимания уделяется у нас охране женских прав, социалистической заботе о женщине. Советским женщинам всех национальностей открыты дороги к самым большим вершинам — в труде, и в государственной и общественной деятельности, и в науке и культуре. Возьмите Туркмению, когда-то захудалую окраину среднеазиатских колоний царской России. Не было для семьи туркменки несчастья большего, чем рождение девочки, и не было несчастья несчастье и бесправнее, чем женщина-туркменка.

А сейчас? За доблестный труд свыше 40 женщина-туркменки удостоены высокого звания Героя Социалистического Труда. 8 туркменок — депутаты Верховного Совета СССР, 69 — депутаты Верховного Совета Туркмени. 30 женщин работают секретарями горкомов и райкомов партии, около четырех тысяч — депутаты местных Советов. У нас в республике 348 колхозов. В правлениях колхозов и в ревизионных комиссиях работают 733 женщины. Женщины — бригадиры хлопководческих и шелководческих бригад, учителя, инженеры, кандидаты наук, артисты, председатели колхозов. Всюду, на всех участках нашей жизни трудятся теперь в республике равноправная и свободная, счастливая женщина-туркменка.

Но, как говорит пословица, мертвый хватает живого. И здесь я хочу включить в критический разговор, начатый В. Немцовым. В. Немцов говорит только об облегчении труда женщин. У нас в Туркмении в этом отношении делается немало, хотя тоже далеко не все. Хлопководство — основная отрасль сельского хозяйства республики. Самый тяжелый труд в хлопководстве — это труд поливальщицы и обработка хлопчатника кетменем. Мы стараемся, чтобы как можно меньше женщин работало поливальщицами; что же касается кетменя, то производственно-перенатная машинная обработка хлопчатника, вообще разумное, хозяйское использование машинной техники, особенно широкий простор для которого раскрылся сейчас, после передачи инвентаря МТС в руки колхозников, — все это постепенно вытесняет и вытеснит кетмень и прежде всего — вытеснит кетмень из женских рук. Большая часть наших колхозниц работает на различных формах, в шелководческих бригадах, а если говорить о хлопководах, то сборщицами хлопка. Труд этот тоже не легкий, но ничего противопоставляющего женщине он в себе не содержит. Надо сказать, что наши сборщицы хлопка добиваются поразительных результатов. Мухам Аманова из колхоза «Коммунист» Ходжабаевского района Чарджоунской области в прошлом году за сезон собрала 20 тонн хлопка-сырца. Огульжан Худайбердыева (колхоз «Коммунист» Карабейкульского района той же области) собрала 22 тонны. Это результаты, которые не могут не возбудить зависти, хотя хоть сколько-нибудь знаком с хлопководческим делом в Туркмении.

Но, повторяю, мертвый хватает живого. Пережитки прошлого — это не

Н. ДУРДЬЕВА,
секретарь ЦК КП Туркменистана

в Туркмении женщины еще часто приходится выполнять физически тяжелую работу. Я намерена поговорить о другой стороне вопроса. В проблеме уважения к женщине эта сторона очень важна. У нас не исчезли еще пережитки феодально-башенного отношения и женщины, пережитки, мешающие полностью осуществлению на деле гражданские права, данные женщине Советского Востока, как и любой советской женщине, нашей Конституцией — самой демократической в мире.

Я хочу говорить об остатках старого быта в новой, социалистической Туркмении. Как относиться к ним? Как к мало важным деталям жизни, которые отомрут сами собой? Нет. Вспоминаются Клары Цеткин переданы слова В. И. Ленина, прямо указывающие на связь вопроса о женском равноправии, на связь «быта» с политикой. «Старое право господства мужа, — говорил Ленин, — продолжает жить в скрытом виде... Мы должны вытравить старую рабовладельческую точку зрения до последних мельчайших корней ее. И в партии, и в массах. Это относится к нашим политическим задачам...»

Вытовые условия, в которых жила женщина Востока, отравляли ее от большого мира общественной борьбы и коллективной работы. Паранджа в Узбекистане, ашмак в Туркмении (угол головного платка, которым туркменка должна закрывать рот) — это были символы покорности, отсутствия собственного мнения, символы запрещения женщине сказать свое слово в мужском обществе. Женщина не имела голоса в семье. Ее могли купить за казны, в случае смерти мужа она, как вещь, переходила по наследству к брату покойного... Да и сколько еще существовало извечное человеческое достоинство женщины!

С самого начала советской истории партия и правительство повели решительную борьбу за новый быт, новую жизнь женщины Востока. Это была острая политическая борьба, влиявшаяся в общее русло борьбы за социализм. Нельзя без волнения читать сегодня документы 20-х годов, в которых отражалась эта борьба и ее трудности. Вот три цифры. В марте 1921 года в Туркмении была созвана первая областная конференция женщин Востока. В докладе мандатной комиссии этой конференции можно прочитать: «Всех делегатов конференции 97 человек... безграмотных — 79, малограмотных — 18». И эти женщины шли, несмотря на террор, на ядовитую пропаганду духовенства, шли к новой жизни, преодолевая вековые традиции. С помощью русских активистов они поднимали за собой тысячи подруг на человеческое достоинство женщины, за ее права гражданки нового, социалистического государства. «Один туркмен избил свою жену, делегированную на съезд, — читаем мы в докладе Туркменского женотдела (июль 1921 года). — Относительно этого областного деления будет дана телеграмма в Мерв об аресте такового, как торжествующего дела просвещения туркменок...» Частный факт да и изложен не очень уж грамотно! Но за ним — грандиозная повседневная работа партии, государства, общественных организаций, в нем отражено главное, что способствовало успеху борьбы за женское равноправие: Коммунистическая партия и Советская власть смело и последовательно встали на защиту прав женщин, разработали законодательство и строго следили за его исполнением.

Огромную помощь в этой борьбе оказала наша передовая литература. Гуманистическим духом уважения к женскому чувству, почитания женщины-матери проникнуты были и классическая литература прошлого, и фольклор. Но в творчестве лучших представителей молодой советской литературы народов Востока эта тема звучала политически остро, она была увязана с общей темой борьбы за социализм, за новую жизнь. Вот почему такое огромное воспитательное, часто прямое агитационное значение имели произведения Хамзы, Айни, Ибрагимова, Джабара и других видных писателей советских народов Востока. Больше, сердечные отклики получали в Туркмении первые поэмы Кербалаева («Девичий мир» и «Жертва алата»), поэма Аламышева «Сона», произведения многих других туркменских писателей на тему раскрепощения женщины. Я помню, как актив туркменской молодежи читал боевые статьи в печати 20-х — начала 30-х годов!

(Окончание на 3-й стр.)

Журналы в августе

«ЗНАМЯ» Журнал печатает продолжение романа Ф. Танферова «Раздумье» и рассказы М. Тельева «Иди!» Поэзия представлена циклом стихов М. Демина «Встань к Востоку лицом» и стихами молодого поэта В. Кузнецова.

В номере — окончание очерка Е. Рыбникова «Племя над Арктикой» и очерк Б. Полюдова «Под Южным Крестом». В разделе «Документы», «Воспоминания» публикуются записки А. Эрлика «Они работали в газете» — о Е. Петрове, Ю. Ильфе, С. Диковском, А. Фалере, И. Олеше, В. Катаеве и других. «Знамя» печатает большую статью А. Макарова «За далью — даль» и ряд рецензий.

«ШАРКИ СУРХ» Августовский номер посвящен трем главным событиям: предстоящей конференции писателей стран Азии и Африки, юбилею Рудики и четвертому съезду писателей Таджикистана.

Журнал печатает лирическую поэму Г. Мирзоева «Венец счастья» и рассказы молодого прозаика Р. Хайдарова «Анонимное письмо».

«Шарки сурх» познакомит читателей с рядом лучших произведений писателей зарубежного Востока. В этом же разделе будет напечатан отрывок из книги французского писателя Анри Аллега «Допрос под пыткой», повествующий о событиях в Алжире. В разделе «Критика и библиография» — рецензии: на роман Рабиндраната Тагора «Крушение», роман Сабатинна Али «Дьявол внутри нас» и сборник рассказов Го Мо-жо.

Тысячелетие со дня рождения Рудики посвящаются статьи М. Шукуровой и Р. Амонова. В «Предсказаниях» публикуются выступления видных прозаиков и поэтов по животрепещущим проблемам таджикской литературы.

В ТОТ ДЕНЬ в Калинин дважды услышал я это слово: совет.

Рассказывали: под председательством члена областного суда Юрия Николаевича Пушкина рассматривалось кассационное дело. Обвиняемый — хулиган, пьяница, дебошир.

Когда в зале областного суда обвиняемый увидел медленно и тяжело направляющегося к судейскому месту Юрия Николаевича Пушкина, лунные глаза его поджались, обвиняемый переменился в лице.

«Председательствующий: Как жили? Небо коптели?»

«Подсудимый: Жить не жил, а прожигать — прожигал. Да вот что... Не рассматривайте жалобы, товарищи... виноват, гражданин судья. Беру обратно. Только зря оговорю горючку. И так дошло.»

«Председательствующий: Ваше право. Когда обудете наказание, приходите, побеседуем.»

Когда мне рассказывали об этом случае, вспоминал подвыпивший инвалид в пезде, в котором я ехал в Калинин. Он требовательно, почти без слов подносил шапку к пассажирам; в шапку сыпалось серебро, рублевки...

О ЛЮДИХ, забывших совесть и спекулирующих на жалости, говорил мне и Юрий Пушкин:

«Совесть надо будить в человеке и воспитывать с детства. Не есть ли она высокое проявление долга, основанное на глубоком убеждении, как жить человеку? Как жить человеку... Слушая Юрия Николаевича, я думал, что и жизнь прожить иной раз — большой героизм.»

Он рассказывает о себе скупо. С грустной улыбкой вспоминает, как долгое время в госпиталях не отводили ему места у окна — опасались...

«Он понимал человека как следует... Может, храбростью особого рода не одарен, но и трусом не был. Верно, вначале мечты мои были примитивные. Ну, о чем мечтал, оставшихся без рук и ног? Конечно, дожить до победы. Знать, что отомщен. Увидеть, как счастье после войны заживут другие. Ну, а потом...»

В одном из санитарных поездов осел по койке солдат: «Счастье с несчастьем двор об двор живут». Это, между прочим, верно. Если кто теперь спросит: счастье где? Счастье — от сердца отечу.

Он провозгласил эти слова, и я почему-то вдруг хорошо представляю себе этого колхозного костромского паренка, когда он, мечтая о самостоятельной жизни и неведомых краях, отправляется после семилетки в Кудряки, в сельскохозяйственный техникум, как он, с его слухом и

Олег МОИСЕВ, специальный корреспондент «Литературной газеты»

звонким, сильным голосом, выступает в ансамбле песни и пляски на большой, яркой освещенной сцене. И вдруг — война.

«...В последнем бою нам мешал вражеский пулемет на высоте. Пулеметчика снял. Ранено меня в ногу. Вот, собственно, и конец солдатской моей судьбы.»

«Не конец ли? А, может, продолжение, другой этап борьбы за большую, настоящую жизнь?»

Сколько часов пролежал Юрий на трескучем морозе? Пять, десять, двенадцать? Он пришел в себя лишь на медуныте, когда санитар, успев перебраться уже на ноги, растеряв снег и водкой отмороженные кисти рук, на которых уже проступили черные пятна...

Операции. Долгие, бессонные госпитальные ночи. Мучительные раздумья. Как жить дальше? Существовать? Нет, только не это! Он должен найти свое место в жизни. Правая нога отнята выше колена, левая — чуть ниже. Но будут протезы, говорят, можно привыкнуть ходить. Надо научиться действовать руками, ведь ампутированы только кисти. Но это сопряжено еще с двумя тяжелыми операциями: расщеплением лучевой и локтевой костей. Что же, вытерпит, вынесет, чтоб только никому не быть в тягость, чтобы самостоятельно трудиться. Какое бы это счастье! Не унывать. Собраться с силами. Ведь он солдат, комсомолец. А комсомолец — будущий коммунист. Так говорил ему комиссар фронтового госпиталя...

Юрий не только учился двигаться, — он тренировал новые пальцы, чтобы держать ложку, карандаш, ручку с пером. Это давалось с великим трудом. Палочки, закорючки, кружочки — все то, что увидели в тетради первокурсника. Пот катил градом. Дня не хватало. Он писал по ночам, когда в палате все спало.

В ИНТЕРНАТЕ инвалидов Юрия тоже окружили друзья. Заместитель директора по политчасти Владимир Васильевич Гашков передался с помощью палки; и он был солдатом. Для каждого находилось у него ласковое слово, добрый совет. Это он посоветовал Пушкину поступить в юридическую школу. А помогла в том начальница Тамара Георгиевна Свищева, заведующая кафедрой в Кемерово: сама ездила в филиал школы, убеждала, доказывала. Как же щедро богата подлинно настоящих людей наша страна!

Еще до окончания юридической школы Пушкина, отличая проявившего себя в учебе, берут в стажеры народного суда, а когда он получает диплом, переводят в члены Кемеровского областного суда. Потом Юрий Николаевич кончат Высшие курсы юристов в Москве.

И вот он в Калинин, где уже пять лет — член областного суда, председатель первого состава Уголовной коллегии. Из года в год его выбирают членом партбюро, он депутат горсовета. Чем же и здесь так быстро завоевал он авторитет?

Дадим слово В. Е. Цветкову, председателю Калининского областного суда.

«Однажды звонит мне заместитель министра: есть решение прислать одного товарища членом суда. Правда, у него такие-то физические недостатки, но окончили Высшие курсы, характеристика прекрасная.»

«И ни в какую: будет только числиться, а работать придется толком. Дело дошло до министра. Звонит лично. Я соглашаюсь дать Пушкину тихую, спокойную работу, скажем, старшего нотариуса, тем более, что он был юристом, и членом суда. Да попой, — объясняет министр, — ему не тихая заводь, а широкая, бурная река нужна. Штормы, борьба, деятельность. Он только по виду инвалид, а душа — богатырь, добрыня Никитич.»

В общем, порешили сперва попробовать Пушкина на работе в суде, а если... тогда в нотариальную контору.

«И как же, Владимир Емельянович? — Честно скажу: но жалко. Он не только не уступает другим членам суда,

но и многих превосходит. Когда должно разбираться особенно важное, принципиальное дело, общественность требует: пусть председательствует Юрий Николаевич. Такой, как он, имеет особое моральное право судить, произносить торжественные и обязывающие слова: «Именем Республики!»

НЕ ТАБ давно Юрий Пушкин получил письмо с почтовым штемпелем воинской части.

«С далекой границы пишет вам, уважаемый Юрий Николаевич, дорогой мой учитель, Ленка, помните такого?»

Помнит ли? Да ведь это было одно из самых первых дел Пушкина в народном суде. Мальчишку задержали с узелком. Вещи оказались краденными. Мальчик утверждал, что нашел узел в сугробе, катаясь на лыжах, но ему не поверили. И вот он в суде.

Разве страшна только тюрьма? А моральное пятно? Разве не будет жечь всю жизнь воспоминание о скамье подсудимых? Но кто видел мальчика воруящим? Сын погибшего фронтовика, он, по словам соседки, всемерно помогал матери. Промаргел, же гетнаццистский Лена работала учеником слесаря, отозвалась о нем очень хорошо. Неподдельные слезы на глазах, искренность тона маленького подсудимого, самый тщательный разбор документов и всех обстоятельств дела убедили судью и заседателей, что мальчик в краже не виновен. За попытку присвоить находку ему дали месяц исправительно-трудовых работ по месту службы. А через короткое время суд разбирал дело воровской шайки, которая похитила и вещи, запрятанные в сугроб и найденные мальчиком. Тогда Пушкин отправился к Лене. Еще не кончилась война, нелегко жилось людям. Он купил Лене буханку хлеба и сахар... После этого не раз и не два приходил к судье сам мальчишка, слушая рассказы о войне, о том, каким должен расти советский юноша, чтобы стать настоящим человеком.

«...И вот случайно попадает мне на глаза калининская газета, вижу вашу фамилию и инициалы. Вы ли это, тот ли дорогой Юрий Николаевич, который тринадцать лет назад учил меня жить и чью жизнь считал за свою, офицера, постоянного доблестным примером служения Отчизне? Нет, это не громкие слова, но если бы от меня зависело послать наших героев войны и труда в Брюссель, где все страны демонстрируют все лучшее, что у них есть, я послал бы наряду с другими и вас, чтобы все «знакомые-лице» увидели не только наши блестящие успехи в науке и технике, но и насколько сильны духом советские люди. Никогда не забудьте: я пришел к вам, вы переключались в боковой карман нарбутлет и солдатскую книжку, с которой не расстаетесь. Как много мне отдала эта солдатская книжка, в которой вы записали много хорошего. Книжка была раскрыта. «Вот где участвовал в боях. За что награжден», — прочел я.

Графа не запознала. Лихое время. Не до записей было... гор. Калинин

Я ПРИШЕЛ прощаться к Юрию Николаевичу, когда он читал это письмо. Он сидел не в столовой, где обычно бывает с женой и детьми, а во второй комнате, за рабочим столом. Рядом с письмом пограничника лежали партийный билет и старая солдатская книжка; ее колеников переделал сильно выцвет, отчетливо пятиугольная звездочка казалась еще ярче. Книжка была раскрыта. «Вот где участвовал в боях. За что награжден», — прочел я.

Графа не запознала. Лихое время. Не до записей было... гор. Калинин

Мариша мечется с места на место на полупустых подводах и рыбацких лодках. Сам посудит штаб в Мареве, озере вторая на Тунгусском холме, третья в Заболотной тайге. Пробую поручковиди! Ваш этот знаменитый институт — шарашинка контора: столкнута человека в омут с цепями на ногах, а для спасения солдому бросают в виде циркулярных распоряжений. Ты бы им хоть многок неможно прочитали. Особенно этому бабусе Водомерову. Я здорова и даже весела, но так мне без тебя тошно, что если б не Мариша, да не пелуны маревская Уля, да не клыта перед собой открыт курорт для улульских лесорубов и охотников, явилась бы пред твои ясные очи».

Максим трижды перечитал письмо жены; тихая, ласковая улыбка всякий раз трогала его губы. Бывает в жизни так: живет человек на твоих глазах год-два, что-то делает, что-то говорит, а попробуй по его поступкам и словам составить о нем представление, и ничего не получишь. Будто бы он такой и в то же время не такой. Одним словом, ни то, ни се. И вот Анастасия Федоровна, жена его Настенька...

В этой краткой записке — вся она, со своей манерой вечно спешить, рассуждать резко, с грубоватым юмором, со своим беспокойным сердцем, которое способно легко приобретать привязанности, но совершенно не способно терять их... Даже незнакомый человек, никогда не видевший ее в глаза, мог бы многое сказать о ней, прочитав эти строчки... Ах, черт возьми, как это неуютно и тоскливо жить без жены, которую любишь больше, глубже, многообразнее, чем любил когда-то в юности, и которую сам, по собственному настоянию, отправил в тайгу, к черту на пеньки.

Максим провлек несколько дней в раздумьях. С тех пор как в один из весенних вечеров он неожиданно попал на заселение бюро Притаежного района, обсуждавшего проступки Алексея Краюхина, он понял, что Улулюе входит в его жизнь прочно и надолго.

Своими усилиями весной и летом он немало содействовал всему, что происходило вокруг Улулюе. И теперь многое зависело от него.

Андрей Зотов мог бы стать его сильным союзником, но его приезд снова отодвинулся ввиду каких-то более срочных дел, возникших в напряженной жизни Госплана.

И тут-то Максим подумал о Великово: «Вот кто мог бы помочь двинуть его дело вперед!» Только захочет ли он это сделать?

В колхоз имени Сталина, Шебеннинского района, Белгородской области, открыт Международный трудовой лагерь молодежи, созданный по инициативе Комитета молодежи при ЦК ВЛКСМ. В организации этого лагеря приняли участие Всемирная федерация демократической молодежи и Международная гражданская служба.

В лагерь съезжались юноши и девушки из Китая, Германской Демократической Республики, Польши, США, Англии, Франции, Норвегии, государства Адриатики, а также молодые люди из Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси, Белгорода и других городов Советского Союза.

Хорошей, дружной семейной группой и трудятся молодые люди. Они строят в колхозе Дом молодых животноводов, принимают участие в уборке урожая, сенокоса и других работах.

На снимке: участницы лагеря — китайской юности Цзя Шимин и немецкая девушка Теа Ранк.

Михаил СВЕТЛОВ

БАСНЯ

Было так, — легенды говорят, — Миллиарды лет тому назад Гром был мальчиком такого-то села, Молния девочкою была.

Кто мог знать — когда и почему Ей сверкать и грохотать ему? Честь науке — ей дано умение Выводить нас из недоумья.

Гром и Молния назначили свиданье (Дата встречи — тайна мизогонья), Мир любви пред ней и перед ней, Только все значительно крупней.

Грандиозная сияла высь, У крыльца мамонты паслись, Рыбаков артель себе на завтра Дружно потрошит ихтиозавра.

Грандиозная течет вода, Грандиозно все, да вот беда: Соловьи не пели за рекой (Не было же мелочи такой).

Над влюбленными идет века... Рановато поженить пока... Связоз круговойр время домашсь, Наступил желанный свадьбы час.

Пили кто знаком и незнаком, Гости были яны под зельником. Даже тихая обычно Зорька Всех шумней кричит фальцетом: — Горько!

Гром сидит задумчиво — как быть? Может, надо тихо говорить? Молния стесняется — она, Может, недостаточно скромна? — Пьем за новобрачных! За и за! — Так возникла первая Гроза.

Молния блистает, грохочет Гром... Миллиарды лет он влюблен... А мораль? Ей в башню нужно быть — Никогда друг друга не забыть!

Пусть любовь в космическом пространстве О земном напомнит постоянстве! Дорогая женщина и мать, Ты — сверкай, я буду грохотать!

ПРОСТИТЕ за некоторые натуралистические подробности. НЕЖДАНО-НЕЖДАНО на носу начальника отдела по внедрению новой техники Министрства здравоохранения СССР Ю. Кабатова всяколя бородавка. С упоением читая входящие и подмахивая исходящие, он вначале не замечал сего зловредного новообразования.

Бородавка росла с незапамятных времен в истории медицины фантастической скоростью. Сослуживцы своевременно заметили инородное тело, но стыдливо отводили глаза, боясь гнева вышестоящего товарища. К шести часам ведомственного времени бородавка достигла такой величины, что оттянула нос Кабатова к бумагам.

«Опять клонит ко сну», — подумал он, пытаясь придать голове вертикальное положение.

Обследовав нос, начальник установил на нем наличие грушевидного нароста и в ужасе воззвал о помощи.

Несчастного доставили в хирургическую клинику и воздружили на операционный стол.

«Инструмент Бульбы-Попкова! — потребовал хирург, протягивая руку в резиновом перчатке.

Большой ососкился на пол. — Не дам разрешения на операцию! Не дам! — вскричал он и прикрыл ладонями бородавку. — Хотите зарезать меня Бульбой...»

«Как не стыдно, милейший! — укорил его медик. — Токамак высокой частоты бескровно делают даже самые тонкие операции в области нервной системы... А вы... Вот увидите: раз — и бородавки как не было! В курс — и готово! Вы, милейший, не в курсе современной техники. Знайте, Бульба-Попков создал оригинальный набор электроинструментов...»

«Ничего! Куда ему до моего носа! — возил пациент. — Тоже мне дарование! Подвел провода к бельевым занавескам. Где тут новизна? Где? Не пынитесь — орудие инвизиции!»

Так и остался на носу администратора бородавка.

Почему же был столь непреклонен уважаемый Кабатова?

Позвольте сделать маленькое историческое отступление. Оказывается, с инженером В. Бульбой-Попковым у него старые счеты. Завистливый начальник, лишенный дара изобретательства, некогда объявил себя соавтором инженера.

«Как так? — недоумевал тот. — А так, Мне виднее. — Какой же вклад вы сделали? — Я сморел... — Не бывайте бесчестному делу, — твердо сказал Бульба-Попков. — Подожди, ты меня помяни!»

Пригрозив «соавтору» и при первом удобном случае воспрепятствовал изобретателю в получении авторского свидетельства на электроинструменты.

«Поскольку пациент вытрезился отказался отрезать некое подобие рога на своем носу, консилиум решил погрузить его в целебный сон. Недаром ведь изобретер инженером Ю. Худым и его сотрудниками чудотворный аппарат «Электросон». Мало того, что он излучает бесшумно. Аппарат надежно усыпляет пациентов перед операцией, чтобы они не пугались скальпеля.

Киннулись на поиски «Электросона». Нигде не могли найти. Да и как найти? Не кто иной, как сам Ю. Ф. Кабатова,

«КОЛХОЗНЫЙ БУХГАЛТЕР»

17 ИЮНЯ с. г. в «Литературной газете» была опубликована статья В. Рожина «Колхозный бухгалтер». В связи с этим редакция получила письмо заместителя министра сельского хозяйства СССР Т. Петрова, в котором говорится:

В статье В. Рожина «Колхозный бухгалтер», опубликованной в «Литературной газете» от 17 июня с. г., правильно поставлены вопросы повышения квалификации счетоводов-бухгалтеров колхозов и счетоводов колхозов действительно неудовлетворительное.

В связи с недостаточной квалификацией большинства счетовых работников колхозов и повышением требований к колхозному учету Министерством сельского хозяйства СССР значительно увеличился контингент обучающихся на бухгалтерских отделениях сельскохозяйственных техникумов. Их стало в три с половиной раза больше, чем в 1956 году. В два раза увеличен выпуск колхозных бухгалтеров и счетоводов в одноклассных сельскохозяйственных школах.

Для обеспечения крупных колхозов, совхозов, сельскохозяйственных органов и учебной сети экономистами-бухгалтерами с высшим образованием с 1958/59 учебного года открываются группы по бухгалтерскому учету на экономических факультетах сельскохозяйственных академий и институтов.

Известны случаи, когда по личной договоренности многие бухгалтеры с государственными предприятиями переходят на работу в колхозы. Это дело хорошее. Полагаем, однако, что экономисты-бухгалтеры колхозов должны готовиться в техникумах и высших учебных заведениях преимущественно из числа колхозников, окончивших среднюю школу.

Зайденные техникумов. Их стало в три с половиной раза больше, чем в 1956 году. В два раза увеличен выпуск колхозных бухгалтеров и счетоводов в одноклассных сельскохозяйственных школах.

Для обеспечения крупных колхозов, совхозов, сельскохозяйственных органов и учебной сети экономистами-бухгалтерами с высшим образованием с 1958/59 учебного года открываются группы по бухгалтерскому учету на экономических факультетах сельскохозяйственных академий и институтов.

Известны случаи, когда по личной договоренности многие бухгалтеры с государственными предприятиями переходят на работу в колхозы. Это дело хорошее. Полагаем, однако, что экономисты-бухгалтеры колхозов должны готовиться в техникумах и высших учебных заведениях преимущественно из числа колхозников, окончивших среднюю школу.

Зайденные техникумов. Их стало в три с половиной раза больше, чем в 1956 году. В два раза увеличен выпуск колхозных бухгалтеров и счетоводов в одноклассных сельскохозяйственных школах.

Журналы в библиотеке

«ЮНОСТЬ» В августовском номере начинается печатание нового романа-эскиза Н. Носова «Незаянка в Солнечном городе». Отдел прозы представляет также рассказы: А. Исаева «К вопросу о луне», В. Семина «Новичок», А. Гладиллина «Идуший вперед», Л. Давыдовича «Случайный спутник».

Журнал публикует корреспонденцию В. Катаева «Три поколения Пушкинских». В номере — большая подборка стихов поэтов разных национальностей: Ф. Жичко, И. Шесталова, Д. Кугультинова, З. Габоевой. Молодой поэт В. Павлинов выступает в «Юности» с новыми стихами «Стихи и шпаны. Здесь же публикуются два письма Н. К. Крупской молодым поэтам, написанные в 1939 году.

Под рубрикой «У книжной полки» — статья В. Озарова «О буднях, романтике и героизме». Журнал знакомит читателей с воспоминаниями Л. Подойкиной о работе комсомольцев в годы первых пятилеток.

ГЕОРГИЙ МАРКОВ

На повороте

КОГДА экспедиция института еще только формировалась, Максим понимал, что ей будет очень трудно. Он был убежден, что как только работники экспедиции столкнутся с Улулюем, программа изучения края, тщательно разработанная в кабинетах, полетит вверх тормашками. Но он не ожидал, что все это произойдет так стремительно. Сейчас, всего лишь через полтора месяца после выезда экспедиции, это стало фактом.

В его руках было три документа, говоривших об одном и том же: мерка, с которой институт подошел к Улулюю, оказалась тесной. Об этом доказательно писала в своем докладе на имя руководителей института Мариша. Этому же было посвящено постановление бюро Притаежного района партии. Наконец об этом, в личном письме.

Читая и перечитывая копию доклада Марины (она послала ему это сама), постановление Притаежного района, письмо жены, Максим думал о людях, которые были близки и дороги ему. И думал он о них с расторможенным удивлением. Поставленные жизнью в новые и трудные обстоятельства, они вдруг выявляли такие качества своих характеров, о которых он раньше не подозревал.

Он любил Маришу трогательной любовью брата, но ему всегда казалось, что добрая, умная, хорошая Мариша слишком эмоциональна и потому не способна трезво оценивать людей и события, не способна устоять перед неистовыми выводами, которые — увы! — часто, чаще, чем хочется, проистекают из хода жизни.

Сейчас Максим видел, что Мариша, когда это нужно, может быть иной. В своем докладе она не издала ни собственного самолюбия, ни самолюбия директора института Водомерова и профессора Великонова. Она утверждала, что биологическое, точнее ботаническое, направление экспедиции не может быть оправдано большими государственными соображениями. Каковы бы ни были результаты этих исследований, они не могут повлиять на решение коренных

проблем использования природных богатств Улулюе. Она высказывалась за то, чтобы теперь же принять экспедицию геологического направления, несколько перестроить ее структуру. После новых данных Краюхина есть к этому полное основание. Что касается места его самого в экспедиции, то ей представлялось бы правильным именно его назначить начальником экспедиции, а ей остаться заместителем, отвечающим за биологические и ботанические исследования. Она убеждала руководителей института, что это переименование (они казались ей) — восхитительная она не обидит ее, а наоборот, обрадует, так как будет оправдано всячески: creatively и практически.

«Вот тебе и сладостная Мариша!» (Сладостная Маришей) тогда, давно-давно, называл ее отец.) Она — прямая, мужественная женщина и может, оказывается, поставить свою волю наперекор течению», — думал Максим.

Порядовала его и новая позиция Притаежного района. Райком в сильных выражениях осуждал свое прежнее поведение «в деле Краюхина». «Ни первый секретарь, ни бюро района не поняли всей серьезности намерений члена партии Краюхина А. К. Комиссия райкома, ее председатель т. Пугонкин отнеслись к «делу Краюхина» предвзято и подтолкнули своими выводами бюро района на ошибочное решение. Бюро района отменило свое решение исключив т. Краюхина А. К. из рядов партии, как грубо несправедливо, и заявляя, что люди, подобные т. Краюхину, достойны не осуждения, а вселеской поддержки со стороны районной партийной организации».

В таких же энергичных выражениях Притаежный район высказывался о помощи Улулюе экспедиции.

Но о положении экспедиции, о ее нуждах проще и прямее всех написала Максим Анастасия Федоровна с обычной для нее искренней непосредственностью.

«Максим! Шлю тебе, родной, тысяча поцелуев. Как ты там живешь один? Почаще бывай у ребятских, чтоб не росли безотцовщиной. Не забывайте меня, одинокую, горемычную. Работай на Синеи озере. Обнаружила еще три источника. Анализы воды и грязи произвожу языком. Был как-то Михаил Семенов Лисицын, обещал приручить сорочку, которая будет летать в Высокоярск с пробами в лабораторию.»

глава из второй книги романа «Соль земли»

Юдья группа на Синеи тунгусском холме, третья в Заболотной тайге. Пробую поручковиди! Ваш этот знаменитый институт — шарашинка контора: столкнута человека в омут с цепями на ногах, а для спасения солдому бросают в виде циркулярных распоряжений. Ты бы им хоть многок неможно прочитали. Особенно этому бабусе Водомерову. Я здорова и даже весела, но так мне без тебя тошно, что если б не Мариша, да не пелуны маревская Уля, да не клыта перед собой открыт курорт для улульских лесорубов и охотников, явилась бы пред твои ясные очи».

Максим трижды перечитал письмо жены; тихая, ласковая улыбка всякий раз трогала его губы. Бывает в жизни так: живет человек на твоих глазах год-два, что-то делает, что-то говорит, а попробуй по его поступкам и словам составить о нем представление, и ничего не получишь. Будто бы он такой и в то же время не такой. Одним словом, ни то, ни се. И вот Анастасия Федоровна, жена его Настенька...

В этой краткой записке — вся она, со своей манерой вечно спешить, рассуждать резко, с грубоватым юмором, со своим беспокойным сердцем, которое способно легко приобретать привязанности, но совершенно не способно терять их... Даже незнакомый человек, никогда не видевший ее в глаза, мог бы многое сказать о ней, прочитав эти строчки... Ах, черт возьми, как это неуютно и тоскливо жить без жены, которую любишь больше, глубже, многообразнее, чем любил когда-то в юности, и которую сам, по собственному настоянию, отправил в тайгу, к черту на пеньки.

Максим провлек несколько дней в раздумьях. С тех пор как в один из весенних вечеров он неожиданно попал на заселение бюро Притаежного района, обсуждавшего проступки Алексея Краюхина, он понял, что Улулюе входит в его жизнь прочно и надолго.

Своими усилиями весной и летом он немало содействовал всему, что происходило вокруг Улулюе. И теперь многое зависело от него.

Андрей Зотов мог бы стать его сильным союзником, но его приезд снова отодвинулся ввиду каких-то более срочных дел, возникших в напряженной жизни Госплана.

И тут-то Максим подумал о Великово: «Вот кто мог бы помочь двинуть его дело вперед!» Только захочет ли он это сделать?

седание не заманишь. Готов быть с вами, Захар Николаич, хоть до полночи.

«Вот и чудесно! В таком случае пошли на берег. Там воздух еще свежее.

Поскрипявая песком, они медленно вышли на берег. Рена пестрела от сносивших по ней павлохов, катеров и лодок. Несмотря на то, что собирался дождь, берега были усыпаны купальниками, рыбаками. Неподалеку от устья бы Великоновым рыбак, и востером принесил оттуда запах смолы. Максим сразу разглядел, что люди суетнились у костра, конопатили с помощью накали и разогретого вара большую тесовую лодку.

Смолевой запах напомнил Максиму детство, сборы в тайгу — на шибковой, ой мысленно перенесся в Улулюе, к жене. «Ах, как одиноко без тебя и как бы хорошо пожить в тайге нам вместе», — промелькнуло у него в мыслях.

Запах смолы пробудил новые чувства и у Великонова.

«Чуете, Максим Матвеевич, тайгой пахнет. Поманило сразу в экспедицию, на простор, — мечтательно сказал ученый. Максим посмотрел на Великонова: тот стоял с поднятой головой, глаза его блеснули, вздернутые ветерком бакни торчали длинными. «Ну, какой же он сухарь? И что они, в самом деле, наговаривают на человека!» — подумал Максим.

«Нам бы сейчас с вами, Захар Николаич, в Улулюе, туда, где ваша дочь и моя жена! А? — А что же? Хорошо бы Присаживаться, Максим Матвеевич, на скамейку. Прошу, — Великонов опустился и, по тому, как торопливо он сел, Максим понял, что старик за день сильно устал. «Бесчеловечно мучить его еще одним серьезным и, может быть, нервным разговором, но другого выхода нет, такой случай не сразу еще подвернется», — думал Максим.

«Вот, Максим Матвеевич, люблю здесь порывать часы. Иногда чуть не до рассвета просиживаю. Отдыхаю лучше и телом. Там, в институте, порой так замучаешься, что на себя переставишь походить. Да что вам говорить? Вы и без того, наверное, наспышались о моем «золотом» характере. А вот тут я другой... Дела все отстояли, сидишь, дымишь, слушаешь, как летит мимо тебя жизнь, а вместе с ней летит и ты...»

«Это хорошо, Захар Николаич. — Я всегда, с самой ранней юности, был материалистом. Конечно, мир материален и бесчеловечен. Что материален — это легче представить, легче вообразить, а вот бесчеловечность этой, отсутствие конца и начала мира — это не поддается моему восприятию. Оно у меня

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

2 августа 1958 г. № 92

Литературное обозрение

Книга занимательных историй

МНЕ ХОЧЕТСЯ отметить ценную инициативу Государственного издательства художественной литературы, выпустившего в свет «Книгу занимательных историй» сирийского писателя Абуль-Фараджа.

Переводчики А. Белов и Л. Вильскер — они же авторы интересной статьи о жизни и творчестве Абуль-Фараджа — подарили советскому читателю одно из самых замечательных произведений сирийской литературы феодальной эпохи. Редактор книги — член-корреспондент Академии наук СССР Н. В. Пигулевская — в ряде своих монографий рассуждала о большом познавательном значении сирийских литературных памятников как источников для изучения истории средневекового Востока. Ей принадлежит и весьма содержательное предисловие к книге Абуль-Фараджа.

Абуль-Фарадж — фигура, совершенно неизвестная русскому читателю. А между тем этот оригинальный мыслитель, ученый-энциклопедист и талантливый писатель заслуживает внимания всех, кто интересуется культурным наследием Востока. «Книга занимательных историй» венчает его творчество. В ней читатель найдет немало выразительных и предельно кратких глубоких мыслей, которые созвучны и нашему времени. Многие афоризмы, поучительные и юмористические истории, басни, шутки и анекдоты, собранные в книге, и сегодня, спустя почти семь веков после смерти автора, звучат свежо, оригинально, вызывают хорошую улыбку, будят добрые чувства.

Среди 727 «занимательных историй» Абуль-Фараджа имеется немало сатирических рассказов, зло высмеивающих пороки представителей светской власти, ханжество слуг церкви. В этом отношении Абуль-Фарадж близок другому крупнейшему писателю сирийцу, знаменитому Лукьяну. Они, несомненно, близки друг другу, хотя их и разделяет период времени более чем в тысячу лет.

Мне хочется отметить также близость «занимательных историй» Абуль-Фараджа фольклору Армении. Некоторые сюжеты из прекрасной книги академика И. А. Орбели «Басни средневековой Армении» тождественны с сюжетами басен, включенных сирийским писателем в его «Книгу занимательных историй». Это не удивительно, ибо Абуль-Фарадж, посетивший в течение своей жизни множество стран, в фокусе своего труда собрал воедино лучи, исходящие из сокровищ фольклора многих народов Ближнего и Среднего Востока.

Начиная с глубокой древности, богатства фольклора сохранялись в памяти народной как путем устной передачи, так и путем литературной традиции. Абуль-Фарадж, используя их с большим искусством, создал замечательную книгу, которая выдержала суровые испытания временем. Переводчикам удалось сохранить и передать всю прелесть, весь аромат этих в подлинном смысле занимательных историй. Я убежден, что увлекательная книга Абуль-Фараджа полюбится советским читателям.

Академик В. В. СТРУВЕ

Перед рассветом

РОМАН Хан Сер Я — автора известной трилогии «Тадонган» об отечественной войне корейского народа — «Сумерки» написан в 1936 году. В тридцатье годы — годы наиболее жестокого колониального гнета — перед корейскими рабочими, крестьянами, интеллигенцией встали вопросы размежевания и выбора пути. И если для рабочего, испытывающего двойной гнет, путь был ясен, то часть национальной буржуазии приспосабливалась к колониальному режиму, предавала интересы народа. Роман «Сумерки» недаром вынашивался в стенах цензурной тюрьмы, куда был брошен крестьянский сын, уже известный в то время писатель Хан Сер Я, участник «Движения 1 марта», представитель патристической интеллигенции, подымавший знамя борьбы против колониализма,

принудительной ассимиляции и уничтожения национальной культуры.

«Сумерки» — произведение цельное по мысли и активное по своей пропагандистской функции. Писатель сознательно не ограничивает тему только античными мотивами: в те годы нужно было развязать и многое другое — лиричность поэтики «национального единства», хищническую сущность собственной буржуазии, ее ненависть к трудящимся.

Текстильная фабрика, принадлежащая двум компаньонам, тесно переплетается с жизнью народа японских колонистов. На фабрике — старое оборудование, отсталая техника, примитивные способы производства. Чтобы выстоять в этой борьбе, владельцы рекрутируют крестьянских девиц, которых голод заставил покинуть деревню, увольняют всех, кому свыше сорока лет. Рабочие пока еще плохо организованы. Среди них есть и такие, кто поддерживает своих хозяев как благодетелей, «кормильцев». Нелегко революционному ядру поднять массы к активному сопротивлению. Но революция в России, пример русского пролетариата помогают бороться с корейским рабочими.

Показывая вступившие в непримиримую борьбу социальные силы, Хан Сер Я избегает риторичности, декларативности. Он разговаривает с читателями языком убедительных примеров, взятых из их же жизни, добивается воздействия на умы через изображение реальных событий, столкновений. И само развитие характеров героев убеждает читателя в той большой правде, которую несет им Хан Сер Я романом «Сумерки». Несмотря на то, что в романе изображен человек, колеблющийся перед выбором между двумя лагерями. Как была, так и осталась взыскательной хищницей его невеста Хен Ок. Но зато выросли и возмужали на протяжении романа девушка Е Сун, ее друг детства рабочий Чун Сик, их товарищи по фабрике.

Нетрудно заметить, что многие страницы романа Хан Сер Я написаны под влиянием Горького. В те годы, когда создавались «Сумерки», победно шествовала по Корее горьковская «Мать», преодолевшая рогатки цензуры и запрета.

Рабочий класс Кореи, руководимый своей Трудовой партией, избрал единственный правильный путь, который выстрадал им годами борьбы и жертв. Но и по сей день не утратил своего значения замечательный роман Хан Сер Я, изданный недавно Государственным издательством художественной литературы.

Аркадий ПЕРВЕНЦЕВ

Рассказы Кришана Чандара

БОЛЬШОЙ художник всегда умеет увидеть самое главное в событиях и явлениях окружающего мира, умеет показать их сокровенные причины и взаимосвязи. Эта особенность в полной мере присуща Кришану Чандару, замечательному индийскому писателю, чья книга рассказов под названием «Мать ветров» недавно вышла в Государственном издательстве художественной литературы.

Первым же рассказом сборника — «Ветка эвкалипта» писатель вводит нас в круг сложных явлений, смело вскрывая их социальную сущность. Это не просто описание интересного случая из жизни, но и глубокая раздумье над ней, ясное понимание ее неумолимых законов. Деревянный врач размышляет о тщетности своей борьбы со страшной эпидемией дизентерии, свирепствующей в районе. Он понимает, что причина этого — не в фатальной вселивости болезни, а в том, что люди бедны, что в деревнях нет хлеба, что крестьяне голодают. Писатель показывает, как нищета вырывает в позитивную мечту человека, отравляет счастье, радость восприятия красоты окружающей природы. Она, эта страшная проза жизни, губит только что вспыхнувшее чувство двух молодых людей...

Таковы же по силе и ясности восприятия мира рассказы «Земледелец», «Самый тяжкий грех», «Мне него не навидеть».

Незримо присутствие автора освещает книгу, согревает ее великой любовью к людям, пристальным интересом к радостям и горестям человека, как бы мал он ни был. — «Счастливым» обладателем места ночевки под мостом у станции «Гранд Роуд», в пахари, отдыхающему от тяжкого труда и вспоминающему свою молодость («Под сенью плуга»), к старухе, любящейся юношей и девушкой («Утро»), к водноосу Абдулле, на чью долю выпало много горестей («Веранда»). Но любовь писателя не слепа. Он ясно видит зло и несправедливость, царящие в мире, презирает покорность судьбе, мешающую людям преодолеть зло, верить, что мир будет переделан. Эта вера — вера в творческую, созидательные силы своего народа — освещает рассказы сборника как бы изнутри, горит во мраке даже самых, казалось бы, безысходных положений, в которые попадают герои Кришана Чандара.

В композиции книги очень большую роль играет последовательность рассказов. Первые семь как бы подводят читателя к главной мысли книги, к ее вершине, с которой можно и отступить назад, и увидеть то, что впереди. Вершина эта — рассказ «Мать ветров».

Сказка Андерсена, приснившаяся автору, прозвучала в нем с такой силой, опалила сердце такой тревогой за судьбу человечества, родила такие токи высокого напряжения, что ими как бы зарядились последующие рассказы. Поэтому и вся книга воспринимается как единое произведение.

При чтении рассказов Чандара часто вспоминаются рассказы Тургенева. С ними роднит писателя его отношение к женщинам, его любовь и природе. Рассказы «Рыбачьи сети», «Желтуха», «На лодке через Джилла», «Веранда», «Красота и зверь» рисуют замечательные образы индийских женщин. Читая эти рассказы, ты вместе с их героями скорбишь и интуитивно чувствуешь и недоумение на несправедливость их судьбы. И поражаешься шестости писателя, с которой он делится своими наблюдениями и мыслями, будя в людях ответные чувства, вызывая любовь к прекрасной стране, к ее талантливому и трудолюбивому народу.

Мария СМЕРНОВА

Страна под экватором

ЧЕШСКИЙ писатель Иржи Марек в 1955 году ездил в Индонезию и о своем путешествии написал книгу «Страна под экватором». Перевод ее на русский язык вышел недавно в издательстве «Молодая гвардия». Это в высшей степени увлекательная книга и в то же время познавательная. Она написана с большой любовью к славному народу Индонезии, который на протяжении веков испытывал гнет колониализма и, наконец, добился национальной независимости.

Иржи Марек не ставит перед собой задачу полного и всестороннего показа жизни всей Индонезии. Он ездил на острова Ява и Бали и рассказывает лишь о том, что увидел собственными глазами.

Я знаю Марека по неоднократным встречам у нас и за границей. Это яркий и полный юмора человек. Притом, что эти качества проявились и в книге о путешествии в незнакомую, но с детства привлекающую к себе сказочно-красивую страну. Я особо хочу подчеркнуть именно эту сторону книги — ее жизнерадостность, дружеский, добрый юмор.

Писатель облен свои впечатления в форму средневекового повествования с длинными названиями глав. Художник Эдуард Гофман своими рисунками, выполненными в духе средневековой книжной иллюстрации, как бы подчеркивает «необычайность» авторской манеры письма.

Советские люди питают огромную симпатию к народам Индонезии, ведущим борьбу за свое лучшее будущее в мире, полном тревог, время от времени захлестываемом цунами «холодной войны». Очень советуем тем, кто еще не прочитал «Страну под экватором», прочитать ее.

Георгий ГУЛИА

Закрывать пережиткам прошлого все пути!

(Омечание. Начало на 4-й стр.)

Ну, а как сейчас? ...Если бы пережитки старого быта были подобны пыли на ковре!

Скрываясь от глаз советского закона, отогоненные прерасудками, люди еще ломают жизнь своим дочерям, выдавая их замуж без любви, иногда против их воли. Не исчезла еще полностью позорная «кайтара», когда семья родителей забирает молодую жену к себе до тех пор, пока муж или родители мужа не дадут калым. К сожалению, не каждый такой случай получает огласку, что не дает возможности вмешаться в дело советской общественности, советскому закону. Бывают еще и трагические случаи самоубийств женщин путем саможжения.

Вот пример того, как вредные прерасудки разбивают женскую судьбу. Одна юноша объяснял, что женился он по настоянию родителей, которых он не хотел оторвать. О том, что может получиться из такого брака, он не думал. А потом «ничего не мог поделать с собой» и бросил жену. В таких случаях более всего страдает женщина. Будучи выданной замуж очень молодой девушкой, не имея никакой специальности, жена уже связана детьми, и она не может уйти от мужа, который, худо-бедно, но все же ее детей содержит. Иногда женщины прикирываются с тем, что у их мужей фактически не одна жена; бывает, что две-три «жены», из которых лишь одна юридическая, живут в одном доме, под одной крышей. Надо ли говорить, какие драмы, какое душевное опустошение порождает все это! Самое плохое в таких случаях то, что женщина свывается со своей стражающей ролью, она не может бороться за свое равноправие, иногда даже при разборе такого рода дел выгораживает своих мучителей. Как живут эта мораль покорности, мораль согласия с собственной будто бы непоколебимостью — мораль, глубоко чуждая и враждебная нашей строю, нашим законам, нашей жизни! Старые обычаи, нравы, безнадёжно проиграв свое дело, тем не менее не уступают оставшихся еще у них позиций без боя. Старое хитрит и изворачивается. Например, кайтарма разлучает жену и мужа, а все родственники делают при этом вид, что жена едет «погостить» к родителям.

Мам нужно быть очень внимательными. Чужие организованности, последовательности в борьбе, чтобы видеть все хитрости старого быта, не предоставлять ему ни одной лазейки!

Работу мы уже выполнили колоссальную. Возьмем, например, вопрос об отсеве девушек-туркменок из школы. В 1940 году в 7—10-х классах училось более 2,5 тысячи девушек-туркменок, к концу 10-й класс только 6 человек. В прошлом году из 14 802 девушек окончили десятилетку 2 044. Нужно хотя бы примерно знать старый быт Туркмении, чтобы понять, какое это завоевание, сколько труда надо было положить, чтобы изменились эти цифры. И в то же время мы все понимаем, что отсев из школы еще очень велик. Конечно, часть девушек, не окончивших школы, идет на работу в колхозы, на стройки и т. д. Но большая часть остается вне общего дела, замыкается в том самом узком мире, где туркменка еще испытывает на себе силу феодально-байских пережитков.

Приведу еще цифры — из области высшего образования. В 1944 году на ветеринарном факультете Туркменского сельскохозяйственного института имени Калинин училась лишь одна туркменка.

Последняя телеграмма моей сестры? — не уклоняясь больше от главной темы, спросил Максим и сносил глаза в сторону Великанова. — Как же, читал! — И? — Тут, Максим Матвеев, нельзя не вернуться к истории вопроса. — Это очень интересное. — Максим так и замер в ожидании того, что скажет дальше другая. А старик замолчал. Прошла минута, другая, а он молчал, словно забыв, что взял на себя обязательство «вернуться к истории вопроса». — А вы Краюхина знаете? — вдруг спросил Великанов. — «Вот в чем история вопроса», — про себя усмехнулся Максим. — Незнаком. Видел его один раз на бюро Притяжского района. Впечатление произвел благоприятное. — Благоприятное? Я был очарован этим юношей, хотя всегда держался с ним строже, чем надо. Потом он стал мне ненавистен. Были ли к этому основания? Были! И остались! Да, да. Не смотрите на меня с таким удивлением. Я знаю, что вам ближе версия моей дочери и вашей сестры: старик Великанов выжил из ума, отверг Краюхина, притрел бездарность, и так далее, и тому подобное. — Позвольте мне дослушать вас и пока не возражать, — вставил Максим. Но Великанов словно не слышал его слов. Он раскрывал глаза его вспыхивали из-под пенки кажим-то горячим задором, и он говорил, торопясь, словно опасался, что его могут дослушать или прервать на самом существенном месте. — Нет, нет, позвольте мне коснуться истории вопроса, мне надо самому многое уснуть. — «Что он, в самом деле? Я же молчу, как рыба. А у него, по-видимому, созрела необходимость поговорить обо всем открыто. Хорошо! Впервые я пришел!» — думал Максим. Да, надо, что вы не знаете моего аспиранта Краюхина? Впрочем, лучше сказать, в этой истории он — частность. Не думайте, что я пристрастен, как был еще пристрастен минавший весной. Улюлюе в моей жизни существовало задолго до появления на горизонте Краюхина. В свое время я был увлечен Улюлюем, много его изучал, строил предположения о его возможностях, а потом увлекся другим, забросил Улюлюе нахисто, не подозревая даже того, что я остановился у самых истоков больших догадок. И вот в пору моего увлечения другими проблемами, как я вижу теперь, не самыми первостепенными, выскакивает на поверхность этот

Через 10 лет в сельскохозяйственном институте было уже 8 девушек-туркменок, в университете — 44, в медицинском институте — 30. Это опять-таки немалые успехи. Гордостью республики является женский педагогический институт в Мары. О его боевой роли в борьбе за женское равноправие, о его студентках вольнованно писал друг нашей республики и нашей литературы покойный Владимир Луговской:

Вот вы сполнились
стойкой цветной
У междурядного телефона.
Одну из вас
вызывают домой.
Она остается,
она непреклонна.
Слезы текут,
но она спына.
Невестой чужого
она не вернется.
Жить с нелюбимым
не станет она.
Девушка будет
за счастье бороться...
Нет,
еще не затихла
Гроза Октября
над жизнью
Об этом твердят
студенток глаза,
Глядящие в белыма
прошлых обычаях.

Поэт прав. Нужно видеть в вопросах быта политический смысл.

Непримиримость, последовательность в борьбе с пережитками прошлого — вот что нужно нам всем, в том числе и писателям.

Может быть, самое плохое заключается в том, что не только некоторые старики, но и некоторые наши молодые люди подвержены влиянию прошлых обычаев. Есть, например, учителя, допускающие аморальные, а то и уголовно наказуемые поступки. Есть «интеллигентные» люди, у которых жены сидят дома, не ходят в театры, на собрания. Кто-то из интеллигенции пытается даже ашмак оправдать — это, мол, национальное своеобразие. Какая же вредная ерунда! Давно известно: есть у народа хорошие обычаи, есть и плохие. Был в Туркмении, скажем, такой обычай: лешку, которую женщина выпекла в тандыре (национальная печь), она давала отвечать прохожему. Было оскорблением не взять хлеба, не поблагодарить женщину. Почему бы ревнителям «национального своеобразия» не задуматься в глубокий смысл этого обычая — благодарить женщину, хранительницу дома, за ее труд! Почему надо наследовать плохие обычаи? В некоторых «интеллигентных» семьях у нас в Средней Азии до сих пор не увидишь женщину за столом с мужчинами, да что там за столом — даже на стол полчас накрывает не женщина, а «личный» шофер такого «интеллигента»!

Пусть никто не думает, что быт женщины Средней Азии состоит из одних таких пережитков. Это была бы грубая лозь! И немудра я тому же лозь, ибо жизнь разоблачает ее на каждом шагу. Советская женщина получила небывалые права и живет все более счастливо. Но я заостряю сейчас внимание на отрицательных фактах. Думаю, что наши общественные организации, наша юстиция, наша литература недостаточно настойчиво и всесторонне воспитывают, поднимают сегодня уважение к советской женщине.

Некоторые произведения, созданные за последние годы туркменскими писателями, показывают, что их авторы правильно понимают свои задачи в коммунистическом воспитании трудящихся. Теснее стала связь наших писателей с жизнью народа. Но, безусловно, серьезным недостатком современной туркменской литературы, показателем все еще не легкой слабости ее связей с жизнью следует считать отсутствие ярких, глубоко правдивых книг о женщине Советского Туркменистана. Эти книги должны воспевать ее вдохновенный труд, ее гражданский рост, а вместе с тем — критиковать пережитки старого, поднимать, как говорил Маяковский, «ярость масс» против старого отношения к женщине. Роман узбекского писателя А. Мухтара «Сестры», повесть кабардинца Шогенцукова «Весна Софья» смело говорят о проблемах женского равноправия, они интересно написаны, они действительно воспитывают в читателе-женщине активного советского гражданина, борца. Таких произведений у нас в Туркмении сейчас очень мало. Здесь мы отстаем.

Возьмем, например, писательский журнал «Совет избитый» за прошлый год. Реальностью выделяется здесь поэма А. Беклоева «Любовь». Есть в журнале лирические стихи о любви: каждый понимает, что они нужны, если только они не мелки. Но что же еще можно прочитать в журнале на интересующую нас тему? Слабые назидательные рассказы, поэмы с придуманными конфликтами, с множеством сюжетных случайностей, недоразумений. Нет, на таком уровне писать о советской женщине нельзя! Наши писатели должны более глубоко проникать в жизнь.

Туркменские писатели почему-то перестали писать очерки о наших замечательных женщинах-переводчих. А ведь известно, что очерк — это оперативный и исследовательский жанр литературы. Редки и абстрактно-скудные публицистические выступления о том, как живет сегодня женщина-туркменка. Упуская фактически из виду эту важную тему, наши писатели значительно сужают поле своего видения жизни, значительно ослабляют силу своего воздействия на читателей.

Никто не советует писателям рисовать только одни недостатки. Устами Первого секретаря ЦК КПСС партия призывает писателей показать, как выросли люди в нашей Средней Азии, в том числе и женщины, конечно. А что касается критики, то Н. С. Крушев в тех же своих известных выступлениях «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа» очень точно сказал: «Весь вопрос в том, с каких позиций и во имя чего ведется критика. Мы вскрываем и критикуем недостатки и ошибки для того, чтобы устранить их как помеху на нашем пути, чтобы еще более укрепить наш советский строй, позиции Коммунистической партии, обеспечить новые успехи и более быстрое движение вперед».

Именно с этой великой целью партия борется и против феодально-байских пережитков в отношении к женщине. Именно с этой целью мы критикуем тех, кто примиренчески относится к носителю таких пережитков, кто только на словах стоит за уважение к женщине, кто, по существу, не понимает, как высоко поднять нашим строем честь и достоинство советской женщины.

Писатели не могут быть в стороне от этой борьбы!

вихрастый парень. Он входит в мою душу своим прилежанием к науке, своей кроткой старательностью, своей смекальностью. Вдруг я вижу еще и другое: он встал в душу моей дочери, вошел в мой дом, стал мне близким и дорогим. А впрочем, не слишком ли я пустился в подробности? Да к тому же вы наверняка многое знаете от сестры.

Великанов склонился и заглянул в лицо Максим, Максим, конечно, знал о Великанове и о его взаимоотношениях с Краюхиным все или почти все, но он знал это в пересказе других. — Полно вам беспокоиться, Захар Николаич, обо мне. Если и знаю о чем-то, то не от вас же! — сказал Максим и, стараясь во что бы то ни стало успокоить старого ученого, крепко пожал ему руку, еще больше располагая того к взаимному доверию.

— Вот ведь, Максим Матвеев, живу долго, а все-таки приходится сознаться, что даже простые истины не усвоил, и жизнь за это мстит, не считается с возрастом и опытом. — Прикосновение Максима к руке профессора, по-видимому, успокоило его. Великанов говорил теперь спокойно, дышал ровнее, и в глазах его уже не вспыхивал лихорадочный блеск. — «Даже простые истины не усвоил!» Какие слова! Конечно же, он самокритичен! — проносилось в уме Максима.

— Старость медлительна, юность горяча. Так говорится у нас в народе. У юности не хватило терпения возродить мой былой интерес к Улюлюю. Он повел себя амбициозно, оскорбил мою старость. А ведь во всем должна быть мера. Исчезает мера — исчезает гармония. Вероятно, я оскорбилась больше, чем надо. Ну, конечно же! Прошли месяцы, — и какие месяцы! — чтобы вот сегодня прийти к этой мысли. И каким нелегким путем прийти! Уж это-то едва ли вам известно! Я разрушил свои отношения с дочерью, восстановил против себя друзей и учеников, упрямо стоял против очевидных фактов... Вы думаете, не стыдно? Стыдно!

Великанов опустил голову на трость, снятую в коленах. Максимом показало, что ученый может разрыдаться. Ему стало жаль старика, и, нарушив свое намерение молча дослушать его до конца, он сказал: — Что же, Захар Николаич, заблуждения не страшны, если они не леги подобно могильной плите на сердце. — Конечно! Нет человеческой жизни без заблуждений. Особенно в науке. — Я бы сказал: не только в науке. Во всякой жизни, Захар Николаич. И важно уметь

перешагивать через заблуждения, оставлять их позади себя, а самому идти все дальше.

— Нелегкое это дело.

— Очень тяжелое дело.

Великанов откинулся на спинку скамейки и, наморщив лоб, сказал: — Ну вот она, стариковская память! Хотел что-то важное сказать вам и забыл. — Он долго молчал, и Максим мысленно упрекнул себя за свою нестерпимость.

— Да, вот что! Я хотел объяснить кое-что относительно Краюхина! — обрадованно воскликнул Великанов. — Я сказал вам, что во всей этой истории он — частность. — Да, да. Эту вашу мысль я не понял. — Поясню. Краюхин — потому частность, что он ничего не прибавил к пониманию Улюлюя. — Но он поднал интерес к Улюлюю! — Очень дорогим способом! Я убежден, что это неизбежно произошло бы, и более безболезненно для него самого, о себе уж не говорю. — Ну, уж извините меня, Захар Николаич, а в этом я с вами не согласен. Знаете, как следует назвать такое представление? Непреодоленным заблуждением. — Максим сказал все это с усмешкой, опасаясь, что Великанов может обидеться на него. Про себя он думал: «Нет, дорогой профессор, весьма самокритична непоследовательна, она с серьезным инстинктом». Максим полагал, что профессор начнет спорить с ним, но тот, подумав, сказал: — Да, возможно, что и заблуждение. — он снова помолчал и горько усмехнулся. — К сожалению, все мы люди, все человеки, ваш покорный слуга ничем не отличается от обыкновенных смертных, разве только тем, что самолюбие куда больше, чем многие и многие.

— На этот счет у нас, русских, есть меткая и довольно утешающая пословица: конь на четырех ногах, и то спотыкается. — Утешение слабенькое, но все-таки успокаивает, — сморщился Великанов. — По моему настроению больше подходит другая присказка, Максим Матвеев. — Какая. Захар Николаич? — почти подскокил от любопытства Максим. В эти минуты откровенного разговора с профессором в душе его, что называется, двоили. Ему было по-человечески жаль ученого, хотелось утешить его, областать какими-то сердечными словами, но в то же время он чувствовал радость от каждого резкого замечания профессора в свой адрес. Очевидно, это происходило потому, что требовательность к себе, постоянное самокритическое осмысление своей жизни, своего места в людском

коллективе никогда не покидало его самого. Самокритично он понимал прежде всего как психологическое свойство природы, как функцию характера. Ему всегда казалось, что если человек способен прямо, резко и трезво думать и говорить о себе, — значит, он полон физических и духовных сил, значит, в нем заключена энергия, которая двигает его вперед. Но вместе с этим в душе Максима таилась иная, острая, выжженная струна, которые делали его излишне чувствительным ко всякому страданию другого.

— А вот какая присказка, Максим Матвеев: не тот коленигой, кто спотыкается, а тот, кто на месте топчется. — Максим с такой силой откинулся на спинку скамейки, что чуть не перевернул ее. Он занкинул голову и зарылся в засмеялся: — Какой же вы умница, Захар Николаич! Именно так: не тот коленигой, кто спотыкается, а тот, кто на месте топчется!

Великанов лукаво, но с явным удовольствием поглядывал на Максима, усмехнулся, то дергал, то глумился тонко вздернутые брови. Максим понимал, что теперь, после всех этих достаточно резких слов, сказанных ученым о самом себе, можно прямо встать весь разговор. — Как вы оцениваете, Захар Николаич, всю улюлюючую ситуацию в свете последних фактов? — спросил Максим с тем строгим и сосредоточенным взглядом, который был характерен для него в часы его деловой жизни. Переменился сл и Великанов. Он выставил свою улюлюющую грудь, повернул плечо к середине носа в самое межбровье. Взор его скользнул по руке, по кустам и остановился на какой-то одной далекой точке. — Это до телеграммы Марины Матвеевны о находках Сенюхи я получил от Алескея странное письмо. Он сообщил мне о магнитной аномалии в Заволотной тайге. Я знаю этого сумасброда, но письмо носило характер научного дознания. А в таких делах я привык своих учеников быть до скрупулезности точными. Не скрою, это сообщение потрясло меня. Алексей вызвал объяснить это явление и дать прогноз. И вот тут, Максим Матвеев, я понял, что некий старый ученый не что иное, как осел, упрямый осел. В своих улюлюючих дневниках, в одной из обычных записи я нашел мимолетом брошенный намек. Вспомнившись в географию Улюлюя, как бы сжатого в двух сторон угольным и рудными бассейнами, я задал много лет тому

(Омечание на 4-й стр.)

Василий ЗАХАРЧЕНКО

БРЮССЕЛЬ, ВЫСТАВКА...

1. «Набрать в легкие воздух, которым мы будем дышать завтра»

НЕ ИСПЫТЫВАЙТЕ ТЕРПЕНИЕ НАРОДОВ, ГОСПОДА АГРЕССОРЫ!

Возвращайтесь назад

Для того чтобы понять смысл происходящих событий, вовсе не требуется быть «вездеходом» или получать по истории только одни пятерки. Достаточно просто уметь мыслить. Вель об этом написаны сотни книг, тысячи статей, опубликованы обширные анализы истории, политические и экономические обзоры, статистические отчеты. Всем честным людям ясно — волюнтаризму пришел бесповоротный конец. Хищническая эксплуатация людей должна быть прекращена раз и навсегда.

Народы Среднего и Ближнего Востока — как и все народы на земле — хотят свободы. Кажется, все тут предельно ясно и закономерно, все понятно и, как любое общечеловеческое дело, близко сердцам всех людей. Народы арабских стран, которых господа колониалисты держали в ярме, фараисейски оправдывая свои действия мнимой неспособностью арабов к самостоятельному решению своих судеб, могут свершить великие дела, они окрепли духом, вспомнили свое великое прошлое, засеянное песками пустыни, втоптанное в грязь чужеземными «шкворняками», и желают сами распоряжаться на своей земле. Без навязанных извне «опекунов».

Арабы по горло сыты «благоденствием» колониализма: заморской полицией, унижением перед хозяевами международных нефтяных монополий, покорностью и смиренностью, которые внушали им бесчисленные миссионеры разных мастей. Они больше не желают принимать «дары» в виде излишков вооружения, им надоед до смерти язык всевозможных оккупантов — язык, выдаваемый за ключ к познанию мира.

Народы Арабского Востока хотят говорить на языке их матерей, они хотят жить по законам, по которым жили их отцы и деды. Они хотят братства со всеми другими — ныне искусственно разделенными — государствами, над которыми светит тот же самый полумесяц.

Давно и постоянно они жаждали быть волевыми, как верев пустыни. Но свободу у них отняли. Ее похитили вместе с богатствами их земли.

Друзья на Арабском Востоке! Я знаю и понимаю смысл ваших желаний. Вы хотите, чтобы та земля, по которой вы ходите, была вам действительно матерью, а не предметом чужеземной экспансии. Чтобы ею владели сами народы. Чтобы свобода и независимость были нерушимыми, священными. Это близко нам, и потому мы разделяли вашу радость, когда некоторые из ваших государств в тяжелой и неравной борьбе завоевали свою независимость, когда они объединились, чтобы дать отпор силам угнетения. Мы радуемся вместе с вами, когда вы рушите троны пролажных владык и народ выдвигает — сам! — своих избранников. Мы знаем, что многие из вас — воины, как ветер, люди — жертвовали своей жизнью, чтобы обеспечить свободу своей отчизне.

Вам не нужно быть выдающимся знатоком истории, чтобы понять простую истину: колесо ее повернуть вспять невозможно. Можно потоками крови исторический процесс. Остановить его — нельзя. Горько безраздумным людям, не понимающим истории! Ничему не научившись, ничего не понявшие, они суют всеобщее презрение в себе, возбуждают ненависть — смертельную и естественную.

Насилие рождает насилие. Политика «вооруженного кулака» приводит к катастрофе. Нашим священным долгом сейчас — долгом всех честных людей на земле — является одно: мы обязаны дать совокупительный отпор заокеанским любителям легкой наживы. Мы должны дать по рукам тем, кто хотел бы добывать нефть даже вместе с кровью. Приносимая к гневному протесту народов Ливана, Ирака и Иордании, все честные люди обязаны сказать твердо и внушительно тем силам, которые сейчас высказываются на Ближнем и Среднем Востоке:

— Стойте! Ни шагу дальше! Возвращайтесь назад, учите историю и помните — она не любит, когда испытывают ее терпение.

Войцех ЖУКРОВСКИЙ,
польский писатель
ВАРШАВА, 1 августа. (По телефону).

Руки прочь!

ВСЕ НАРОДЫ мира стремятся к мирному сосуществованию, к сохранению мира на земле. Они стремятся к светлому созидательному труду на благо человечества, к созданию непреклонных культурных ценностей. Все порождение человечество возмущено просями империализма, которые хотят затеять пожар новой мировой войны. Вооруженная интервенция, развязанная США в Ливане, а затем Англией в Иордании, угроза вторжения в Ирак и другие страны Арабского Востока возбуждают гнев и возмущение всех передовых людей.

Трудящиеся Грузии, ее интеллигенция приветствуют освободительную борьбу народов арабских стран, направленную к возрождению национальных культур, к созданию независимых, свободных республик.

Грузия связана с народами Ближнего Востока историческими узами дружбы. Грузинский народ, его интеллигенция, писатели Грузии требуют отбрасывания агрессоров, требуют немедленного вывода войск интервентов из Ливана и Иордании. Они приветствуют благодарную борьбу арабских народов.

Руки прочь от Ливана, Иордании и Ирака!

Симон ЧИКОВАНИ
тбилиси

СЕРДЦА НАШИ ПОЛНЫ ГНЕВА

НА БЕЗНАДЕЖНО больном теле империализма снова провалился гнойный нарыв. Империалисты все еще надеются, что ближневосточная нефть станет их экономикой.

Забыв уроки суэцкой авантюры, Америка и Англия предприняли агрессию против свободных арабских народов, чье возрождение является одним из знаменательных исторических явлений середины века, возмущающих концы колониализма. Анализ событий, предшествующих агрессии, убедительно доказывает, что военная авантюра эта тотчас же уже давно, прикрытая лживыми фразами о миролюбии. Американские милитаристы разоблачили себя.

Советские люди не могут отнестись безразлично к происходящему. Мы полны симпатии к народу Ирака, свергнувшему реакционный режим в стране. В отличие от заявлений Белого дома, выражающих захватнические устремления монополий и направленных против народов земли, в том числе против американского народа, предложения Советского правительства выражают самую глубокую душевную точку зрения всех советских людей, всех людей доброй воли.

Момент сейчас сложный — реальная опасность угрожает миру. Но советский народ и другие свободные народы не дадут разжечь пламя новой мировой войны!

Евт. ДОЛМАТОВСКИЙ

ЭТИ СЛОВА сказал бельгийский писатель Жан Бокс, выходя из Советского павильона на Брюссельской выставке. Я вынес фразу в заголовке не только потому, что испытываю законную гордость за нашу страну, так блестяще, — и не боюсь этого слова, — потирающие представлению на Всемирной выставке в Брюсселе, но и потому, что вопросы завтрашнего дня волнуют сегодня всех. Воздух, которым мы будем дышать завтра...

Не всем легко дышится этим летом... В мире, взбудораженном и внешне спокойном, в Европе, жаждущей сенсаций и погрязшей в междоусобии, республиканской провинции, в человеческой душе, вечно ищущей, находящей и не находящей свои идеалы, сегодня нет покоя.

Месяцы, проведенные в Брюсселе, убедили меня в этом. И сейчас, когда выставочная суета стала привычной, когда сто тысяч посетителей за день привычно протачивают подошвыми последний слой линолеума в нашем павильоне, можно спокойно задуматься, что же происходит здесь, на территории Брюссельского парка, отданного посетителям стран мира для демонстрации того, что каждая из этих государств желает показать человечеству.

В Брюсселе есть что посмотреть человеку, интересующемуся всем новым в сооружениях. Иногда искрометная мысль строителя, создающего ту или иную конструкцию, совпадает со значительным содержанием выставки, девиз которой — человек и прогресс. Иногда конструкция создается только ради конструкции и, будучи значительной сама по себе, вступает в спор с тем, что пытаются разместить под сводами этой конструкции.

Приковывает внимание и ласкает взор золотистой керамикой павильон Чехословакии. Ощущение близости человека-творца не покидает тебя, когда ты смотришь на кованные из железа фигуры, символизирующие человеческий труд и знания. Даже в хрустальных скульптурах профессора Клингера, озаренных изнутри электрическим светом, не ощущается холод стекла, а чувствуется стремительность движения. Даже в огромной, полуфантастической глыбе «Дерева жизни», символизирующей движение человеческого знания от истоков до познания атома, дышит трепетное биение жизни, чувствуется человек — хозяин и творец.

С этим же ощущением покидаешь и павильон Венгрии. У тебя за спиной осталась страна со своим искусством, — незабываемая скульптура двух бронзовых наездников перед вами, — со своей техникой, — прекрасные станы, радиоаппаратура, — со своей жизнью, вплоть до детских игрушек.

Около Советского павильона. Люди, пришедшие «вдохнуть воздух, которым мы будем дышать завтра»

Павильон Соединенных Штатов Америки — это гигантский цилиндр, перекрытый сверху пластмассовой крышей. Он выполнен в золотистых тонах. Массивные деревья, не тронутые строителями, свободно разместились под нейлоновым куполом, придавая ему какую-то дополнительную легкость. Сквозь отверстие купола свободно пробиваются солнечные лучи и падают на водную поверхность бассейна. Торжественно, конструктивно...

Но, мне кажется, в павильоне Соединенных Штатов нет главного — нет ощущения жизни американского народа. Слово все инженерный талант американцев ушел на создание золотистого цилиндра под нейлоновой крышей, слышком мало оставил для обозрения посетителей.

Что запомнится здесь? Мне понравилась «машина памяти», способная мгновенно на десяти языках ответить вам на любой вопрос об исторических событиях.

Я попросил дать мне ответ по-русски на вопрос: «Что произошло в 1941 году?» Машина мгновенно напечатала на специальном бланке: «Началась война России с Германией: японцы напали на Пир-Харбор».

Моему товарищу машина так же мгновенно отвечала на французском языке: «Это были события средних веков, периода войны алой и белой розы».

Понравилось мне цветное телескопическое устройство, экспериментальную установку которого американцы привезли в павильон. Я работал на манипуляторе, с помощью которого можно выполнять операции в «горячей лаборатории» — зоне радиоактивных излучений. Но это, пожалуй, все, что понастоящему могло бы привлечь внимание.

В центре павильона непрерывным незатихающим конвейером движутся манекены. Десятки спящие нанятых французских и итальянских, словно почпочка не рожденных теней из «Синей птицы», Метерлинка, спускаются по полой лестнице к воде бассейна. Здесь устроена маленькая площадка. Девушка-манекен делает несколько шагов по площадке, и с okamenevshей улыбкой поднимается на острых каблучках по той же лестнице. На смену ей приходит другая — полурасцветающая третья — в брюках, четвертая, пятая... Девушки? Нет, они не волнуют вас. Это живые манекены, как две капли воды, похожие друг на друга. Наряды? Нет, на лицах окружающих не и видел ни увлечения, ни удовлетворения от созерцания нарядов.

Фантастический костюм для игры в бейсбол. Формалистическая живопись — чудовищная и безобразная. Все это нагромождено при полном отсутствии системы. Где же человек? Где творец не-

боскрегов и автострад, где создатель миллионов автоматов? Их нет — творцов и создателей. Невольно думаешь о том гигантском противоречии, которое возникает при взгляде на современный, отлично выполненный павильон, содержание которого обидно, лишено главного — уважения к человеческой душе и трудовым рукам создателей.

Иное впечатление оставляет павильон Франции. Талантливый архитектор Жилле в сотрудничестве с конструктором Саржером создал удивительное сооружение, которое можно сравнить лишь с графическим решением сложнейшей математической задачи. Центр тяжести мощного металлического сооружения сосредоточен в одной точке. Здание напоминает металлическую бабочку с острой вытянутой шеей, раскинувшую крылья. Вытянутая шея — это противовес, уравновешивающий крылья. Могучей опорой стрелы и крыльев служит гигантская железобетонная плита, врытая в землю. Стрела и крылья, словно волчок, опираются на острие. Прозрачные стены висят на крыльях — им не нужна поддержка, они почти невесомы. Смотришь и не веришь — так не бывает... Но так есть! Можно спорить о целесообразности подобной конструкции, но ведь выставка есть одновременно и эксперимент. Талантливые французские деятели осуществили свой строительный эксперимент.

О Французском павильоне писали мало. Но он по-настоящему интересен. Здесь есть чему поучиться. Художники и макетчики с большим вкусом и умением показали творческую мысль своего народа. Макеты действующих автоматических линий, нефтяные установки в Сахаре, опыт по созданию искусственного сердца, археологические раскопки, печатное дело, новые музыкальные инструменты, короткометражные кинофильмы — все это своеобразно и интересно.

Все это подано на том же уровне полуконструктивизма, на котором построен и сам павильон. Во всем нет ощущения твердого равновесия. Железная бабочка того гляди клонит носом. Вызванный кузов автоматами из пластмассы скорее напоминает межпланетный снаряд, чем автомобиль. Из павильона выходящий с ощущением: слишком много, слишком ярко, слишком рекламно, но бесспорно талантливо.

Что создавал все это? Во имя чего? Пред гигантской опорой Французского павильона, которая просматривается сквозь стекло стен, стоит тоненькая, тускленькая бронзовая фигура. Она так вытянута и так изуродована руками скульптора, что невозможно узнать, кого же хотел изобразить художник. Мы спросили об этом архитектора Жилле:

— Скажите, как может ужеститься эта изуродованная человеческая фигура рядом с торжествующей конструкцией вашего павильона?

Жилле рассмеялся, протер платком очки, вновь посадил их на нос и сказал:

— Это моя затея. Я хотел изобразить Дон-Кихота двадцатого века. Человек-романтик попал в мир машин, атомов и спутников. И ему нет места в этом мире. Он хороший, он честный, он добрый, но он чужой. Вот таким чужим и хотел же мне его изобразить. Ведь это тоже символ нашего времени...

Человек и прогресс! — думаю я... Почему же ты, милый, хороший человек Западной Европы, остался чужим? И почему ты не отворачиваешь идишь под своды Советского павильона? Идешь, любя нас или ненавидя, но все равно идешь? Потому ли, как писал один из посетителей: «Больше всего меня поражает в Советском павильоне его представительность и выражение огромной мощи и воли. Как только вы входите в

Железная бабочка Французского павильона опирается на плиту. Фото автора

эту гигантскую хрустальную призму, вас немедленно охватывает атмосфера монументальности и строгого порядка! Потому ли, как писал другой: «Меня поразили динамиком, который проявляется во многих областях социальной, экономической, научной и культурной жизни советских людей. Павильон Советского Союза — яркое свидетельство этого динамизма».

А ведь ни для кого не секрет, что еще до открытия Брюссельской выставки борознились из некоей газет попылись организовать провокацию вокруг нашего павильона. Это они торпильно писали в газетах о том, что советская охрана во время перестелки якобы насмерть убила советского инженера. Для них не важно, что в Советском павильоне никогда не было и нет советской вооруженной охраны. Они прекрасно знали, что пожилой инженер скончался в бельгийском госпитале от хронической болезни сердца. Они хотели одного — запугать посетителей, отвести их от советской «пропаганды».

Но разве можно заставить те восемьдесят процентов посетителей выставки, которые обязательно приходят в Советский павильон, не ходить туда — в мир спутников, в мир атомной энергии, направленной на пользу человеку, в мир подлинной науки, техники, искусства?

«Одно дело пропаганда, другое дело — действительность, — пишет в своей статье бельгийский писатель Жан Бокс. — Перед нами случаи, когда действительность становится источником пропаганды. Показ советских достижений не нуждается в красочных комментариях и диспансах и сам по себе является великолепным гимном славы стране, в которой они осуществлены и применяются на практике. Речь идет не о каких-то абстрактных казательствах, а о прямой, ясной, очевидной и неопровержимой демонстрации гигантских, свершающих воображение шагов, совершенных этим народом всего за 40 лет».

Я был здесь, когда официально объявили о запуске третьего советского спутника. Зал кричал и неистовствовал от восторга, своды содрогались от аплодисментов. Но не только ради этого шли сюда люди, идут и будут идти. Они шли сюда во имя советского человека, который сумел определить направление прогресса и предсказать его будущее.

Он — не чужой в этом мире! Вот почему я начал статью словами бельгийского писателя и привожу их полностью:

«В Советском павильоне посетители могут глубоко вдохнуть и набрать в легкие воздух, которым мы будем дышать завтра. Но это будущее очень близко: кажется, что уже заложены его основы».

Вы не помните, Захар Николаич, с каким изумленным восторгом писал о Сибирь Владимир Ильич. Он писал, что на ее просторах разместились бы десятки цивилизованных европейских государств. Он осуждал патриархальную дикость, которые царем веками сохранял здесь, но я убежден, что Ленин прозорливо на десятилетия вперед и видел наше время. Вы представляете, какой крупный шаг Родина сделала, если поднять Улюлюль? От вас зависит, Захар Николаич, скоро ли это произойдет.

Великанов встал и, схватив себя привычным жестом за подбородок, прошелся по кабинету.

— Ну, Максим Матвеев, задали же вы мне задачу, — остановившись у письменного стола, сказал он, — останься в просторной комнате стремительной, не по-стариковски быстрой походкой.

— То, что вы сказали, Максим Матвеев, — Великанов опустил на свой стул, — честно сказать, приходило и мне в голову. Вот, думаю, побуду в обком и прямо скажу: за прошлое виноват, а быть в стороне дальше не могу. Чувствую, что Улюлюлю не обойтись без меня... Да ведь вот духу не хватило, пока со стороны не подтолкнули...

— Как это хорошо, Захар Николаич, что вы так думали! — воскликнул Максим, крепко пожимая костлявую и жесткую руку Великанова. Перейдя от маленького, круглого столика к письменному столу, они до глубокой ночи работали над проектом адресованной в обком партии записки о реорганизации Улюлюльской экспедиции и об усилении научно-исследовательской работы в северных районах области.

На повороте

(Оночание, Начало на 2-3-й стр.)
назад себе вопрос: а не может ли Улюлюлю оказаться районом насыщенных месторождений индустриального характера? Короче говоря, не лежат ли на этой равнине, прикрытой рыхлыми отложениями, отложения этих бассейнов? Тогда я мог лишь строить догадки! Теперь у меня были доказательства. Если хотите, я вам покажу, дома, покажу свое заключение по донесению Краюхина.

— Вы ответили ему? — спросил Максим, осматривая Великанова, будто только что впервые встретил его.
— Немедленно! Я написал в экспедицию, чтобы изыскания геологического характера проводились прежде всего в районе Синего озера. А находки вашей дочери как-нибудь дополняют ваш прогноз?

— Самый серьезный обзор. Они говорят о том, что Тунгусский холм подлечит такому же первоочередному обследованию, как и Синее озеро.
— А Заболотная тайга?
— Тоже. Плюс Кедровая града.
— Но это же почти все правобережье среднего течения Таежной.
— Совершенно верно.
— Скажите, пожалуйста, Захар Николаич, под силу ли все это экспедиции вашего института?

— Вдруг Великанов вместо ответа поспешно устал, говоря:
— Побьемте, Максим Матвеев, в дом. Об этом поговорим там.
— Не дожидаясь, согласился ли Максим, Великанов энергично взяв руку тростью и не оглядываясь, зашагал по дорожке. Он шел торпильно и до самого дома не проронил ни одного слова. У Максима шевельнулась тревожная мысль: «Не обидел ли я его каким-нибудь неосторожным словом?»
Только уже у вешалки, в прихожей, Великанов снова заговорил:
— Разведывайте, Максим Матвеев, и чувствуйте себя в этом пустом и одиноком доме желанным и дорогим гостем.
Когда они вошли в кабинет, Максим увидел на круглом столике, покрытом белой скатертью, две бутылки с вином, тарелки с закусками, хрустальные рюмки и бокалы. «Видно, в самом деле я желанный гость», — отметил про себя Максим.
— Садитесь вот сюда, на диван. Максим

медленно вывели войска интервентов с арабской земли. Они выдвигают в предложениях Н. С. Крушева о союзе совещания в верхах путь к мирному урегулированию на Ближнем Востоке.

Миллионы советских людей снова показали свою величайшую сплоченность вокруг партии и правительства, свою непоколебимую веру в победу сил мира.

Войну надо остановить! Таковы воля и стремление советских людей.

Александр ПОПОВ
ЛЕНИНГРАД

Матвеев. Кстати, немного выпьем и закусим. Прошу извинить за скудное угощение. Дочери нет, а домработница стала стара. Вам что налить: покрепче или послабее? — присаживаясь к столу, спросил Великанов.
— Максим поспешил сесть на диван и оказался напротив ученого.
— Предпочитаю что покрепче. А потом не раз слышал, Захар Николаич, будто коньяк расширяет сосуды.
— А, слушайте вы эти сказки! — махнул рукой Великанов. — Я знаю только одно: рюмка, выпитая в хорошей компании, поднимает настроение. А расширяет она сосуды или сужает это мало кого трогает. Ваше здоровье!
— Я все-таки выпью за ваше здоровье, Захар Николаич!
— Благодарю вас!
Максим выпил свою рюмку залпом. Великанов, напротив, тянул из своей медленно-медленно, почмокая языком и посылая носом. Максим с улыбкой, наблюдая за ним, думал: «Что же он забыл о моем вопросе? А я-то решил, что он торпильно в дом, чтобы чем-то порадовать меня. Выходит, что старик специально ради выпивки». Но минутой спустя Максим был вынужден отказаться от такого вывода. Со стуком поставив рюмку на тарелочку, Великанов встал, подошел к своему письменному столу, заваленному книгами, картами и просто бумагами, и принялся что-то искать. Он вернулся с записной книжкой в руках.
— Проклятая старость! Все забывает. Сунул записную книжку в карман пиджака, а пишу на столе, — сердито хмурясь, ворчал Великанов. Он сел на прежнее место и довольно долго теревал листки записной книжки, словно испытывая какие-то колебания в душе, прежде чем начать говорить. Максим делал вид, что занят только едой и не замечает, что его собеседник в состоянии непонятного затруднения.
— Вот вы спросили, под силу ли все это экспедиции института? — наконец заговорил Великанов. — Отличные специалисты в составе экспедиции! Но не в них только дело, Максим Матвеев! Надо изменить программу экспедиции. Усилить ее геологическую часть. Дальше. Людям необходимо прибавить. И серьезно прибавить: раза два, в три.
— Каких именно специальностей?
— Главным образом рабочих и техников.
— Еще что необходимо, по-вашему, Захар Николаич?
— Надо оснастить по-настоящему экспедицию: дать радиостанции в штаб экспедиции и

во все отряды... — Великанов заколебался, жуя губы, загнул какой-то однообразный звук, похожий на мычанье, в нерешительности пошатываясь то в свою записную книжку, то на Максима.

— Что же еще нужно, Захар Николаич, чтобы дело двинулось быстро и в широком масштабе? — с нетерпением спросил Максим. — Скажите исходите не только из возможностей нашего института, а учитывайте возможности области.

— Да, да, поспешите договориться, — воскликнул Великанов, и вся его нерешительность мгновенно исчезла. — Экспедиции нужно дать переносные электростанции, малую механизацию, автомобильный транспорт, глассер. Хорошо бы иметь самолет. Кроме того, потребуется гораздо больше взрывчатки и всякого полевого инструментария. Само собой разумеется, раз больше будет людей — больше возрастет спрос на продовольствие и спецдеду.

— Очевидно, экспедиция будет работать и в зимних условиях? — спросил Максим, когда Великанов захлопнул свою книжечку.
— Это сложнее, но неизбежно. На своем горьком опыте знаю, что когда отлаживаешь, то многое теряешь.

— Даже забываясь в дневниках собственные выводы и начинаешь спорить сам с собой, — с лукавством в глазах, но с подчеркнутым добродушными нотками в голосе, сказал Максим. — Да, да, помянул Великанов, опуская голову и не глядя на гостя.
Максим понял, что его шутка не принята; в душе ученого, пережившего глубокое заблуждение, не все еще готово для восприятия подобной иронии.

— Как я вижу, Захар Николаич, вы много уже думали о новых условиях работы экспедиции, — торпильно заговорил Максим, чувствуя неудобство за неверный ход, — скажите, как вы думаете провести в жизнь свои соображения? — Да ведь в том и дело! Как! — вскричал со стула и широко размахнул руками Великанов. — Конечно, институт не пустое место. Мы многое еще в состоянии сделать, но далеко не все... далеко не все, — задумчиво повторил Великанов и, схватив себя за подбородок, прошелся по кабинету. Не вспоминая, что за столом сидит гость, Великанов быстро сел на прежнее место, опустил плечи, вынул спину и стал вдруг старинным-старинным. «Даже не верится, что у него дочь еще девушка», — пронеслось в уме Максима.
— А что если пойти таким путем, Захар Николаич, — сказал Максим нетвердым голосом, стараясь этим самым подчеркнуть, что он ничего не навязывает старому человеку и опытного

ученому. — Вы немедленно выступаете в печати со статьей, в которой высказываете свой обновленный взгляд на Улюлюлю. Это раз. Второе. В срочном порядке вы пишете записку в обком партии и в облисполком. В записке, естественно, вы ставите все практические вопросы работы экспедиции...

Великанов слушал Максима с опущенной головой. Максим видел лишь верхнюю часть его худого лица, полузакрытые глаза под стеклами пенсне, седую голову с взъерошенными, пожелтевшими на макушке волосами. Каким-то недальним чутьем Максим понял, что Великанов не примет его советов, и поспешил умолкнуть.

— Да... Конечно... — наконец произнес Великанов, слегка потряхивая головой. — Вот вы говорите — статья. А что статья? Неудобно-с! Весь ученый совет помнит, как Великанов громил поборников немедленного изучения Улюлюлю. И вдруг статья! О чем? О наисрочнейшем изучении Улюлюлю... Ученый был сильно изумован. Дыхание его стало шумным, прерывистым, и он помолчал, чтобы успокоиться.

— Вы говорите — записка в обком. А кто в обком не знает, что характеристика Улюлюлю, защищаемая мной на ученом совете, снимала проблему этого края на ряд лет? Я помню одну статью в нашей газете за подписью Быстрова. Мне говорили, что это точка зрения обкома. Эта статья бросала вызов ученой области и прежде всего институту и мне. Вот и посядите: как я буду выглядеть... И самое главное: имею ли я право после всего этого выступать один? Правда, я захватил старый режим, но все-таки я советский ученый. И мне надо выйти на коллектив товарищей, разобраться, что же произошло со мной.

Пока Великанов рассуждал (и больше для себя, чем для Максима), тот с напряжением думал о своем. Ему совершенно ясно стало, что, хотя ученый многое переосмыслил, ему трудно занять сразу твердую позицию. Максим великодушно видел, откуда проистекали противоречия, теснящие душу ученого. «Улюлюльская проблема», как фокус, вбирала в себя самые различные стороны бытия Великанова: собственный престиж, гордость, честь, верность науке, отношения с дочерью, Краюхиным, Бенедиктиным, Водомеровым, наконец, с ним, с Максимом. Великанов быстро сел на прежнее место, опустил плечи, вынул спину и стал вдруг старинным-старинным. «Даже не верится, что у него дочь еще девушка», — пронеслось в уме Максима.
— А что если пойти таким путем, Захар Николаич, — сказал Максим нетвердым голосом, стараясь этим самым подчеркнуть, что он ничего не навязывает старому человеку и опытного